

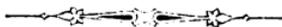
АВТОБІОГРАФІЯ
ПАНАГЮРСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ
РАЙНЫ ГЕОРГІЕВОЙ
ПРОЗВАННОЙ ТУРКАМИ
БОЛГАРСКОЮ КОРОЛЕВНОЙ.

150664.

ПЕРЕВОДЪ СЪ БОЛГАРСКАГО

Болгарина М.

Изданіе Дамскаго Отдѣленія Славянскаго Благотворительнаго
Комитета.

№ 92 (Georgieva, Rajna)

МОСКВА, 1877.

Печатня С. П. Яковлева, Софійка, д. Аргамакова.

I.

Мое воспитаніе и служба родинѣ.

Я родилась 6-го января 1856 года, въ одномъ изъ небольшихъ городовъ сѣверо-западной Эракіи, Панагюриштѣ, отстоящемъ отъ Филиппополя въ 64-хъ километрахъ и отъ Татаръ-Базаржика въ 42-хъ. Дѣтство провела подъ кровомъ родителей, которые, по патриархальному обычаю, питали ко мнѣ, какъ къ первородной, особенную любовь и съ величайшею заботливостью старались о моемъ воспитаніи. Уже на седьмомъ году жизни я была отдана въ школу, гдѣ вскорѣ пріобрѣла расположеніе тогдашней учительницы, монахини Елизаветы, по слѣдующей причинѣ. Въ то время, какъ всѣмъ извѣстно, существовали весьма плохія методы первоначальнаго обученія, такъ что дѣтямъ нерѣдко приходилось бороться, напр. по полугоду и болѣе, съ азбукой, которая являлась такимъ образомъ для нихъ первымъ камнемъ преткновенія. Мнѣ же какъ-то удалось выучить ее менѣе чѣмъ въ мѣсяць, и составить въ этомъ отношеніи единственное исключеніе изъ числа всѣхъ своихъ ровесницъ. Этотъ удачный шагъ, встрѣченный ла-

сково со стороны учительницы и моихъ родителей, имѣлъ благотворное вліяніе на мои дальнѣйшія старанія: я постоянно опережала своихъ подругъ, вслѣдствіе чего ежегодно, на публичныхъ испытаніяхъ, я получала похвалу и первыя награды.

Этого было достаточно, чтобы обратить на себя вниманіе училищныхъ настоятелей, которые съ удовольствіемъ стали видѣть во мнѣ будущую наставницу. Обстоятельства со всѣхъ сторонъ благопріятствовали. Оставалось только одно—заручиться согласіемъ моихъ родителей. Что касалось отца, то заранѣе можно было думать, что онъ въ этомъ не откажетъ. Будучи самъ священникомъ, онъ, по исключительнымъ условіямъ, существовавшимъ на нашей родинѣ, являлся въ то же самое время однимъ изъ самыхъ горячихъ дѣятелей и на поприщѣ умственного возрожденія болгарскаго народа. Многочисленныя школы, открывшіяся, въ послѣднее время, въ каждомъ уголочкѣ нашей родины, обязаны своимъ существованіемъ дѣятельному участію, которое принимало въ нихъ наше духовенство; ибо разнообразныя притѣсненія, которыя выдумывало турецкое правительство съ цѣлью ограничить или ослабить народное образованіе, всегда парализировались вліятельнымъ голосомъ бодрыхъ защитниковъ неприкосновенности религіи. Мой отецъ, всецѣло преданный дѣлу народнаго просвѣщенія, долженъ былъ съ радостью встрѣтить мысль о томъ, что я буду его достойной наслѣдницей. Только мать могла воспротивиться желанію всѣхъ, ибо она съ нетерпѣніемъ ожидала окончанія мною курса въ панагюрскомъ училищѣ, предполагая

такимъ образомъ удѣлить мнѣ часть изъ лежавшихъ на ней хозяйственныхъ заботъ. Какъ и всѣ болгарскія матери, она, какъ выражалась, хорошо выполнила свою обязанность, доставивъ мнѣ возможность выучиться читать и писать; но вслѣдъ за тѣмъ, по ея понятіямъ, на ней лежала другая, болѣе важная обязанность—выучить меня хозяйству. Это такой предметъ, который всякая болгарка должна знать хорошо; неумѣніе готовить кушанье, связать чулки, соткать матерію для платья, сшить его и т. п. — у насъ немислимо. И такъ единственное и вмѣстѣ съ тѣмъ главное препятствіе зависѣло отъ доброй воли моей матери.

Училищные настоятели знали все это; поэтому для осуществленія общаго желанія рѣшились искусственно подѣйствовать на мою мать. Они поручили моей учительницѣ составить для предстоявшаго послѣдняго экзамена рѣчь, въ которой я публично должна была поблагодарить своихъ родителей за всѣ, положенныя ими до сихъ поръ, старанія, потомъ напомнить имъ о пользѣ, которую принесетъ нашему многострадальному отечеству ученіе, и наконецъ попросить ихъ отъ имени всѣхъ горожанъ позволить мнѣ продлить свое образованіе въ какомъ-нибудь другомъ училищѣ; дабы тѣмъ я могла принести свою долю жертвы, необходимой для будущаго блага нашей родины. Эта рѣчь, произнесенная 13-ти лѣтней дѣвочкой, произвела хорошее впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ; со всѣхъ сторонъ матери семействъ бросились къ моей матери съ просьбою, чтобы она исполнила мое желаніе, такъ какъ домашнее хозяйствѣ

ичтожно въ сравненіи съ тѣмъ, къ чему я стремлюсь. Она, разумѣется, не могла устоять и тутъ же ала свое согласіе.

Вскорѣ послѣ этого между моимъ отцемъ и нагоятелями панагюрскихъ училищъ начались переговоры, на которыхъ было рѣшено послать меня въ Желѣзникъ (Эски-Загра), ибо тамошнее училище было въ то время образцовымъ во всей Болгаріи. Не желая стѣснять моихъ родителей, которымъ и безъ того оставалось воспитать еще нѣсколько дѣтей, мои соотечественники изъявили готовность тратить для меня все нужное до окончанія курса, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы потомъ я, занимая учительскую должность на родинѣ, вносила извѣстный процентъ получаемого жалованья до полной уплаты всего израсходованнаго. Когда все было готово къ отъѣзду, я рослилась съ своею матерью, которая отпустила меня со слезами на глазахъ, и въ сопровожденіи отца тронулась въ дорогу. По пріѣздѣ въ Желѣзникъ меня нашли подготовленною для поступленія во второй классъ и помѣстили въ находящемся при училищѣ пансіонѣ. Отецъ вернулся домой, а я осталась одна среди чужихъ и незнакомыхъ мнѣ лицъ съ твердымъ намѣреніемъ стараться, чтобы оправдать ожиданія моихъ соотечественниковъ. Здѣсь я вскорѣ убѣдилась, что стоитъ только прилежно трудиться въ занятіяхъ, и жизнь на чужбинѣ покажется не хуже, чѣмъ дома. Дѣйствительно, директриса и всѣ учительницы уже со второй недѣли начали смотрѣть на меня какъ на свою. Онѣ меня полюбили и стали ежедневно окружать всевозможными ласками и забо-

тами, стараясь всячески въ то же самое время и о скорѣйшемъ развитіи моихъ способностей.

Такимъ образомъ незамѣтно проходили дни, мѣсяцы и годы, и я постоянно переходила въ слѣдующій классъ первою ученицей. По прошествіи четырехъ лѣтъ я окончила V-й классъ или полный курсъ наукъ, проходимыхъ въ Желѣзничномъ училищѣ. Въ немъ преподавались, по довольно обширной программѣ, слѣдующіе предметы: Законъ Божій, Болгарскій языкъ, Математика, Исторія, Географія, Физика, Физиологія, Педагогика и, кромѣ того — черченіе, рисованіе и рукодѣліе. Окончивъ послѣдній экзаменъ и получивъ, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ объ окончаніи курса, похвальный листъ и награду, я была принуждена проститься съ своими наставницами и многочисленными знакомыми, съ которыми я тѣсно подружилась во время своего пребыванія въ Желѣзникѣ. Особенно тяжело было для меня разставаніе съ тѣми изъ нихъ, вмѣстѣ съ которыми я во все время состояла дѣйствительнымъ членомъ Женскаго Дружества. Съ ними въ свободные отъ занятій часы я посвящала себя всесторонней дѣятельности, налагаемой на насъ уставомъ этого учрежденія. Его цѣль, подобно тому какъ и у мужскихъ Читалищъ, состояла въ томъ, чтобы посредствомъ чтенія книгъ, журналовъ и газетъ распространять просвѣщеніе между бѣднымъ классомъ населенія и пробуждать такимъ образомъ въ немъ народное сознаніе. Въ этомъ отношеніи я хорошо выполняла свою должность, что можно было судить потому, что при отъѣздѣ домой многіе обо мнѣ плакали.

Но какъ не тяжелы были послѣднія минуты разставанія, онѣ скоро должны были изгладиться изъ моей памяти и уступить мѣсто другому, болѣе мрачному чувству, которое неминуемо овладѣваетъ каждымъ ученикомъ при переходѣ его изъ замкнутой школьной жизни въ жизнь дѣйствительную, на поприще дѣятельности, особенно если онѣ нравственно и вещественно обязанъ, а въ это время встрѣчаются различныя, часто непреодолимыя затрудненія, которыя не дозволяютъ ему выполнить свой долгъ честно и добросовѣстно.

По прїѣздѣ домой, отецъ и мать, которые нарочно прїѣзжали за мною въ Желѣзникъ, не могли нахвалиться моимъ соотечественникамъ успѣхами, которые оказала ихъ дочь въ наукѣ и въ дѣлѣ народнаго возрожденія. Ихъ рассказы имѣли обаятельную силу. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца меня толпою окружали мужчины, женщины, старики и старушки, желая какъ бы убѣдиться въ моихъ обширныхъ, по ихъ словамъ, познаніяхъ, а между прочимъ и узнать что дѣлается въ другихъ городахъ, на много ли отсталъ нашъ городъ отъ нихъ и т. п. Подобныя визиты сдѣлались мнѣ подъ конецъ не особенно пріятными и я старалась отдѣлаться отъ нихъ отвѣтами короткими, отрывистыми, произнесенными по временамъ даже нехотя. Отецъ замѣчалъ все это и однажды совершенно неожиданно спросилъ: «Что съ тобою, дитя? Отчего ты такая мрачная? Ужъ не разлюбила ли ты насъ на чужбинѣ и теперь стала тосковать по ней?» Я постаралась разубѣдить его и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказать ему свои опасенія на счетъ того,

что мнѣ, при существующихъ обстоятельствахъ, едва ли удастся оправдать тѣ надежды, которыя возлагаетъ на меня долгъ родины. «Да, сказалъ онъ послѣ этого, въ эти четыре года многое измѣнилось; а, къ величайшему сожалѣнію, училищная касса совершенно опустѣла, такъ что радикальныя реформы теперь и немислимы. Но Богъ поможетъ, мы позаботимся, насколько будетъ возможно; а ты не отчаявайся и начинай съ Богомъ.» И было пора. Сентябрь скоро наступилъ. Въ ближайшее воскресенье собрались, по обыкновенію, училищные настоятели и первѣйшіе изъ горожанъ съ цѣлю возобновить условія съ бывшими учителями и сдѣлать новыя со мною. На этомъ собраніи, по ограниченности средствъ, мнѣ предложили жалованья 3100 піастровъ въ годъ (210 руб.). Я охотно согласилась и изъявила желаніе вносить для уплаты своего долга половину изъ нихъ, ибо при существующей дешевизнѣ, другая половина была мнѣ совершенно достаточна. Это до нѣкоторой степени дало возможность настоятелямъ оставить мнѣ и другую помощницу, потому что въ этомъ чувствовалась величайшая необходимость. Такимъ образомъ у 300 ученицъ были уже 3 учительницы. Въ обоихъ мужскихъ училищахъ находилось 6 человекъ учителей при 500 ученикахъ. Слѣдовательно и тамъ, и здѣсь несоразмѣрность была слишкомъ велика; но помочь ничѣмъ нельзя было, ибо ежегодная трата на жалованье и другіе расходы простиралась выше 45.000 піастровъ (3.000 руб.), а эта сумма собиралась исключительно изъ добровольныхъ пожертвованій 8-ми тысячнаго населенія нашего города. Другихъ

источниковъ дохода, какъ вообще и во всей Болгаріи, не было и нѣтъ.

Едва ли будетъ интересно для читателя входить въ подробности нашей училищной жизни, ибо она одинакова вездѣ; равнѣ только можно упомянуть о томъ, что здѣсь приходилось работать много, такъ какъ число ученицъ было громадное. Но, не смотря на это, мы не могли довольствоваться своею работою; намъ хотѣлось шагать впередъ, подобно тому, какъ шагали и самъ народъ, а выходило, что мы оставались позади и не могли справиться даже съ его элементарными стремленіями. Это зависѣло во первыхъ отъ того, что средства были ограничены, а во вторыхъ отъ того, что у самого народа явились новыя потребности, которыя другимъ были до сихъ поръ непонятны.

Въ очень недавнее время у насъ былъ введенъ наглядный методъ первоначальнаго обученія, который былъ вывезенъ изъ Россіи. Его достоинства извѣстны, конечно, всякому. Отсюда легко вытекаетъ, что онъ долженъ былъ вызвать и въ Болгаріи новую эпоху въ исторіи грамотности. Это такъ и казалось; но на самомъ дѣлѣ было нѣсколько иначе, а именно: онъ не вызвалъ, а только способствовалъ тому перевороту, который, въ послѣднее время, сталъ ясно замѣтнымъ въ нашей жизни. Для болгарскихъ простолюдиновъ онъ безспорно имѣлъ значеніе первой важности, ибо они, замѣтивъ его первые плоды, уже не колеблясь, стали посылать всѣхъ дѣтей въ школу; но открывать и содержать школы были они не въ силахъ; это вы-
Палацъ долю другихъ, которые смотрѣли на дѣло

съ своей точки зрѣнія и были только ради случая. Для этихъ послѣднихъ были свои причины стараться о распространеніи грамотности на всѣхъ и каждого. Но какъ бы то ни было, въ первое время, всѣ сошлись въ главномъ, а потомъ уже время и обстоятельства заставили ихъ дать себѣ отчетъ въ своихъ стремленіяхъ и сойтись еще ближе, когда въ образованіи была признана полная и насущная потребность, такъ что разницы во взглядахъ уже не было никакой. Теперь уже всякій старался обучить грамотѣ своихъ дѣтей. Школы были открыты вездѣ, гдѣ только находилась болгарская община, т. е. во всякомъ селѣ и во всякой деревнѣ. Эти школы вездѣ были полны учениковъ, что можно судить напр. по нашему городу, гдѣ на 10 жителей приходится 1 учащійся. И въ это самое время нашлись люди изъ среды просвѣщенныхъ націй запада, которые назвали насъ дикимъ племенемъ и причислили къ варварамъ! Богъ съ ними, если они не хотѣли видѣть фактовъ. Ихъ поступокъ насъ не очень огорчаетъ, потому что, стремясь къ своей цѣли, намъ мало было дѣла до того, кто какъ на это посмотреть. Мы знали свое дѣло, и ничто не могло отвлечь отъ него наше вниманіе. Во время моей службы родинѣ всякій болгаринъ и всякая болгарка были проникнуты этой идеей до того, что доводили свои дѣйствія уже до предѣловъ невозможнаго. Потому-то и порывъ къ образованію сдѣлался такимъ стремительнымъ и такимъ безотчетнымъ. На школы жертвовалось все, что только возможно, и при томъ каждый отдавалъ свою долю съ яснымъ сознаниемъ своего долга. Не есть

никто не жалѣлъ уже лишней лепты и лишней корки хлѣба: эти вещи сдѣлались безспорною и неотъемлемою принадлежностью училищъ и слѣдовательно шли туда прямо, безъ всякихъ остановокъ. Училища явились для насъ второю потребностью послѣ насущнаго хлѣба; и поэтому мы работали и трудились для нихъ съ необыкновенною, лихорадочною поспѣшностью, такъ что, въ послѣднее время, вся наша дѣятельность была обращена на нихъ.

Но по мѣрѣ того, какъ мы напрягали свои силы мужественнѣе и шли впередъ настойчивѣе, препятствія стали дѣлаться непреодолимѣе. Дѣло въ томъ, что туркамъ просто не понравилось наше стремленіе къ образованію. Они постепенно изобрѣтали различные способы съ цѣлью ограничить и ослабить наши силы. Имъ ничего не стоило, напр., подвергать систематическому преслѣдованію нашихъ учителей, закрыть ту или другую школу подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ и т. п. Однако, въ результатѣ всегда оказывалось, что мы отъ этого нисколько не пострадали, а напротивъ выиграли, такъ какъ наша энергія всегда удваивалась. Это ихъ еще больше злило, и они оставались непокойными до тѣхъ поръ, пока не нашли наконецъ одинъ весьма легкій способъ сокрушить наши силы, который и былъ ближайшею причиною происшедшаго возстанія.

II.

Панагюрское возстаніе и мое участіе въ немъ.

Уже съ давнихъ поръ турокъ привыкъ лежать на диванѣ и окружать себя всѣми удобствами, которыя изыскиваются утонченною нѣгой. Его жизнь сложилась и освятилась вѣками такъ, что она постоянно должна плавать въ океанѣ земныхъ удовольствій. Въ этомъ, видно, сама природа ему не противится, такъ какъ райю создала именно для него. Эта рабыня должна постоянно и безмолвно исполнять всѣ приказы, исходящіе изъ его фантастической прихоти. И какое ему дѣло до того, что она изнемогаетъ подъ кровавымъ потомъ, подъ ударами жестокаго надсмотрщика! Ея судьба ужъ такая; она съ тѣмъ и родится, чтобы проводить свою жизнь въ непрерывномъ трудѣ, не смѣя жаловаться ни на усталость, ни на голодъ и жажду; понятное дѣло, что нельзя было думать даже о минутномъ отдыхѣ. Развѣ смѣлъ кто заикнуться о тяжести возложеннаго на него бремени? Къ сожалѣнію, исторія даетъ утвердительный отвѣтъ. Не разъ болгаринъ истощалъ свое изумительное долготерпѣніе и, доведенный до отчаянія, бросалъ любимую супругу и беззащитныхъ малютокъ на произволъ палача, а самъ удалялся въ горы, гдѣ проводилъ остатокъ жизни въ бурной жадѣ мести; не разъ такія отдѣльныя личности складывались въ одну общую чету и, подобно разъяреннымъ лвамъ, перебѣгали горные хребты, отыскивая вѣко за векомъ при-

тѣснителя съ непоколебимою рѣшимостію громить его до послѣдней капли своей отравленной крови.

«Свобода или смерть, говорили они, больше ничего»....

Но счастье нисколько не улыбалось отъ этого болгарскому народу; оно какъ будто отвергло его навсегда, и каждый разъ давало знать, что гнаться за нимъ, кромѣ того что бесполезно, еще вредно и опасно. Послѣ каждаго возстанія мы вполне убѣдились, что будучи закованы въ крѣпкихъ оковахъ, мы совершенно зависимъ отъ произвола нашего полновластнаго угнетателя; слѣдовательно опять мирились съ своею участью, опять рѣшались изнывать подъ гнетомъ безбожной тираніи. Проходили цѣлые годы, и мы безропотно сносили тяжелое бремя, ибо нельзя было никому жаловаться, — нашего замогильнаго голоса ни кто бы не услышалъ, а еслибы даже онъ и дошелъ до кого, то все-таки пользы мало, когда въ расчетъ просвѣщеннаго запада это положеніе и нужно. Но привсемъ этомъ, Богъ не отнялъ у насъ, по крайней мѣрѣ, надежды, этой неоспоримой принадлежности каждаго живаго организма. Въ тяжелыя минуты жизни мы всегда утѣшались тѣмъ, что когда нибудь этого такъ не будетъ. Попробовавъ нѣсколько разъ съ оружіемъ въ рукахъ улучшить свою участь и убѣдившись, что это трудно, даже невозможно, мы повернули свою дѣятельность въ другую сторону, — принялись мужественно за образование. *Въ немъ мы находили единственно остающееся вѣрное средство сбросить съ себя ненавистное шю, быть можетъ, даже съ болѣе незначительными затратами.*

Только жестокая судьба и здѣсь стала поперекъ.

Турки прослѣдили наши шаги, и поэтому принялись не прямо закрывать школы, какъ это дѣлали до того, а только отнимать средства,—исторгать изъ нашихъ рукъ и тѣ незначительныя крохи, которыя оставались послѣ уплаты безчисленныхъ податей. Пока можно было, мы, разумѣется, отдавали, по первому приказанію. Но когда наши средства истощились, а турки стали требовать вдвое болѣе противъ прежняго, то дѣло стало уже разрѣшаться арестами, побоями, истязаніями — однимъ словомъ турецкою тюрьмою. Жизнь становилась невыносимою. Терпѣніе, которое мы, впродолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ, удерживали съ чрезвычайными усиліями, готово было уже ежеминутно лопнуть. А тутъ еще, по случаю неудававшагося подавленія герцеговинскаго возстанія, намъ цѣлую зиму угрожали всеобщимъ иабіеніемъ; мы съ грустью смотрѣли, какъ эти угрозы приближались къ развязкѣ, какъ баши-бузуки и черкесы точили свои ятаганы и заряжали свои ружья. Наша жизнь и безъ того была не мила, а надменная фигура турка возмущала ее своею наглостію и дѣлала невозможной своими угрозами. Вслѣдствіе всего этого возстаніе было рѣшено.... Это было подтверждено въ панагюрскихъ Балканахъ трехдневнымъ засѣданіемъ представителей 72-хъ деревень. Тотчасъ же послѣ этого лица у всѣхъ стали дышать уже чѣмъ-то инымъ. Я была свидѣтельницею почти непрерывныхъ сходовъ своихъ соотечественниковъ, хотя ихъ рѣшенія и планы для меня, какъ и вообще для всѣхъ женщинъ, оставались тайною: ясно было только, что затѣвается что-то небывалое.

Однажды, въ исходѣ марта, когда я, по окончаніи училищныхъ занятій, стала собираться домой, ко мнѣ явился посланный отъ имени горожанъ съ просьбою явиться въ домъ одного изъ учителей. Не подозрѣвая ничего, я скорымъ шагомъ направилась туда съ намѣреніемъ поскорѣе отдѣлаться, въ случаѣ если попросятъ какія-нибудь свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ училищѣ. Войдя въ комнату, гдѣ было собраніе, я прежде всего замѣтила въ ней присутствіе одной незнакомой мнѣ личности, горячившейся больше всѣхъ. Когда я вошла, разговоръ прекратился и я воспользовалась случаемъ поздороваться со всѣми. Когда дошла очередь до незнакомца, то я, по принятому у насъ обычаю, спросила, кого имѣю честь видѣть и откуда онъ родомъ. На это онъ отвѣтилъ: Положительно сказать тебѣ объ этомъ я не могу, но приблизительно—я тотъ, который знаетъ все и не знаетъ ничего, который бываетъ вездѣ и нигдѣ, *говоритъ о всемъ и ни о чемъ, т. е. я просто бунтовщикъ, а если хочешь и апостоль, который проповѣдуетъ народу подготовляться, ибо скоро настанетъ день, когда турки нападутъ неожиданно и перерѣжутъ насъ какъ барановъ*». Далѣе онъ подробно рассказывалъ о приготовленіи турокъ и объ ихъ замыслѣ; доказывалъ, что, и на основаніи человѣческихъ правъ, и на основаніи религіи, мы должны защищать свою жизнь; увѣрялъ, что никто не оспариваетъ наши человѣческія и національныя права; но такъ какъ онѣ у насъ отняты, то мы должны завоевать ихъ себѣ,—а этого достигнемъ только тогда, когда каждый изъ насъ отрѣшится отъ себя и при-

несеть себя въ жертву на олтаре родины, т. е. когда мы будемъ дѣйствовать дружно, согласно и рѣшительно.

— Не правдали? обратился онъ ко мнѣ въ заключеніе.

— Да, это правда, отвѣчала я.

— Когда такъ, то и ты должна помочь своему народу.

— Чѣмъ же я, женщина, могу помочь? спросила я.

— Вотъ,—сказалъ онъ, указывая на присутствовавшихъ,—по единодушному желанію всѣхъ этихъ господъ на тебя налагается обязанность спить знамя болгарскихъ юнаковъ. Согласна ли ты на это?

Это было для меня совершенно неожиданно. Я вопросительно посмотрѣла на присутствовавшихъ, между которыми были и люди почтенныхъ лѣтъ, имѣвшіе большое вліяніе въ городѣ; они утвердительно кивнули головой, и я побоялась прямо отказаться, а только попросила, чтобы дали мнѣ время обдумать и, что важнѣе, попросить позволенія у родителей, безъ согласія которыхъ нехорошо рѣшаться на такое дѣло. Но вышеупомянутый незнакомецъ, выдавшій себя за Георгія Бенковскаго, на это возразилъ:

— Здѣсь уже не спрашивается согласіе родителей. Общее собраніе рѣшило, и ты должна исполнить это; въ противномъ случаѣ, т. е. если ты откажешься, я пушу тебѣ пулю въ лобъ въ этой же комнатѣ. Теперь понятно все?

— Хорошо, я готова исполнить общее приказаніе сказала я; но боюсь что не сумѣю сдѣлать это

такъ слѣдуетъ, ибо я никогда не видала болгарскаго знамени.

Въ это время Бенковскій отворилъ дверь и въ комнату вошла какая-то женщина съ узломъ въ рукахъ.

— Вотъ ты можешь посмотрѣть, сказалъ онъ мнѣ, развязывая узелъ. — Это знамя не наше; оно прислано изъ Влахиі, и принадлежитъ комитету въ Карловѣ. Мы его взяли только на время, чтобы показать тебѣ, а когда оно не будетъ нужно, то вышлемъ его обратно.

Карловское знамя было сдѣлано изъ дорогой матеріи и на немъ изображенъ золотомъ разъяренный левъ, попирающій полумѣсяцъ, а надъ его головой красовались слова: *Свобода или смерть*. Я его нашла очень искусно сдѣланнымъ и объявила, что съумѣю приготовить подобное. Послѣ сего меня отпустили домой.

Въ этотъ вечеръ у насъ гостилъ архимандритъ одного болгарскаго монастыря, давнишній знакомый моего отца. Я разказала ему все, что случилось со мною въ этотъ день, послѣ чего почтенный старецъ, глубоко вздохнувъ, произнесъ:

— Это не очень хорошо, дитя мое, потому что послѣ придется тебѣ страдать. Впрочемъ иначе и не могло быть: тебя бы убили немедленно; теперь же остается надежда, что будешь жива.

Эти слова глубоко озадачили меня. Мать, услышавъ ихъ, начала тихо рыдать; я принялась утѣшать ее, сколько хватало силъ, а отецъ старался успокоить насъ обѣихъ, доказывая, что изъ этого ничего такого не можетъ произойти. Но вообще вечеръ

прошелъ очень печально, и я потомъ цѣлую ночь не могла уснуть, а оставалась съ огнемъ въ своей комнатѣ.

Дня черезъ два послѣ этого разговора пришли въ училище 5—6 человекъ первѣйшихъ въ городѣ и объявили мнѣ, что въ одномъ домѣ уже все приготовлено къ работѣ. По окончаніи занятій я извинилась передъ другими учительницами, что мнѣ придется нѣсколько времени не посѣщать классы, по причинѣ болѣзни, и попросила ихъ, насколько будетъ возможно, замѣнить меня во время моего отсутствія. Пришедши въ указанный домъ, я дѣйствительно нашла все приготовленнымъ. Тогда, по совѣту хозяина, я заперла комнату изъ осторожности, и проработала тамъ до вечера. Когда былъ поданъ мнѣ сигналъ, я отворила дверь и ко мнѣ вошелъ хозяинъ съ предложеніемъ прекратить работу и остаться, если желаю, ночевать. Но я предпочла отправиться домой и, такъ какъ было уже поздно, то прислуга меня проводила. На слѣдующій день еще до разсвѣта за мною пришли изъ того же дома, и я немедленно отправилась на работу, по окончаніи которой я опять отправилась домой ночевать. Такъ продолжалось почти мѣсяць, т. е. до самаго дня возстанія.

Возстаніе началось неожиданно, или, по крайней мѣрѣ, преждевременно. Знамя еще не было dokonчено, и я въ этотъ день работала; только наканунѣ, т. е. 19 Апрѣля былъ посланъ человекъ въ Константинополь съ деньгами за оружіемъ, ибо въ немъ было большой недостатокъ: пуль и пороху имѣлось много, но ружей, револьверовъ и сабель очень мало.

около 600 ружей, заряжающихся съ дула, затѣмъ около 100 револьверовъ и столько же сабель на 1.860 человекъ, способныхъ сражаться. И такъ возстаніе застало насъ въ расплохъ.

Поводомъ къ тому послужили два извѣстія, полученные въ этотъ день одновременно: во первыхъ, филиппопольскій мютессарифъ и татарь-базаржискій кола-асы шли къ намъ во главѣ большаго отряда конницы съ намѣреніемъ перевязать всѣхъ нашихъ горожанъ и отвезти въ Филиппополь, какъ бунтовщиковъ, потому что они и до сихъ поръ не вносили требуемую, чуть ли не въ пятый разъ, подать; а во вторыхъ, жители Копривщицы, отстоящей къ сѣверо-востоку на пяти часовомъ разстояніи, послали къ намъ вѣстоваго объявить, что они не могутъ больше выносить жестокости турокъ, начавшихъ у нихъ аресты, и въ этотъ день возстаютъ. По полученіи этихъ извѣстій, Бенковскій взялъ у меня вышеупомянутое карловское знамя и отнесъ его на базарную площадь, гдѣ уже собралось множество вооруженныхъ. Провозгласивъ *свободу*, они застрѣляли изъ ружей и велили ударить въ набатъ. Послѣ этого немедленно окружили конакъ, гдѣ находились сборщики податей и десятиннаго сбора и предложили имъ сдаться; но такъ какъ турки отвѣчали выстрѣлами, при чемъ одного изъ нашихъ ранили, то инсургенты открыли огонь и убили троихъ изъ турокъ. Тогда остальные 15 человекъ сдались и жизнь ихъ была пощажена, такъ какъ вообще было принято за правило не убивать никакого вреда изъявившимъ покорность. Исполнивъ это, горожане вторично провозгласили

и привѣтствовали другъ друга съ очищеніемъ своей родины отъ враговъ. Затѣмъ они отрядили изъ себя человекъ 60 отборныхъ юнаковъ, съ Бенковскимъ во главѣ, и послали ихъ по направленію къ Татарь-Баварджику, чтобы встрѣтить ѣхавшаго къ намъ низама. Остальные инсургенты составили горнизонъ для города, который и расположился по возвышающимся холмамъ; но такъ какъ уже къ вечеру начали являться въ городъ бѣжавшіе изъ семи окружныхъ деревень поселяне съ страшною вѣстью о появленіи черкесовъ и баши-бузуковъ, то весь гарнизонъ тогда же раздѣлился на нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ и отправился на встрѣчу алчнымъ грабителямъ. Такимъ образомъ въ городѣ остались только женщины, дѣти, старики и люди безоружные.

На второй день свободы знамя было dokonчено. Тогда, по желанію горожанъ, я должна была взять его въ свои руки, препоясать саблю и револьверъ и сѣсть на отборнаго коня, чтобы проѣхать по всему городу и возвѣстить собравшемуся на улицахъ народу, что турецкое пятывѣковое иго сброшено навсегда. Это былъ самый торжественный день нашей кратковременной свободы. Сѣдоволосые старики на ряду съ малолѣтними дѣтьми шли повсюду за мною и пѣли любимые національные гимны: женщины, дѣвушки и старухи бросали намъ на встрѣчу такое количество душистыхъ и разноцвѣтныхъ букетовъ, что вся дорога была устлана ими великолѣпною пеленою. Крикамъ *ура* и *да живье* не было предѣловъ. Эта торжественная процессія продолжалась до вечера. Послѣ заката солнца весь городъ и возвышающіеся холмы

надъ нимъ холмы были иллюминированы безчисленными огнями, такъ что небо загорѣлось далеко виднымъ краснымъ заревомъ. Но, по мѣрѣ того какъ наступала полночь, разведенные костры потухали, крики, пѣсни и голоса рѣдѣли и наконецъ все погрузилось въ глубокой сонъ подъ сладостнымъ упованіемъ завоеванной свободы....

На слѣдующій день утромъ собрались старѣйшины и сотворили совѣтъ, на которомъ было рѣшено отправить людей ко всѣмъ отрядамъ съ цѣлью узнать: въ какомъ положеніи находятся дѣла. Къ вечеру того же дня всѣ посланные явились обратно и донесли, что дѣла идутъ вездѣ отлично. Было по нѣскольку незначительныхъ стычекъ съ полчищами черкесовъ и баши-бузуковъ, но они вездѣ оканчивались тѣмъ, что непріатели убѣгали въ испугѣ, такъ какъ наши нападали съ отчаянной отвагой и прежде всего старались повалить ихъ начальниковъ. Посланные же по направленію къ Татаръ-Базарджику рассказывали, что ѣхавшій въ нашъ городъ отрядъ низама, подъ предводительствомъ филиппопольскаго мюте-сарифа и татаръ-базарджискаго Ахмедъ-аги былъ уже у турецко-болгарской деревни Калагларе, въ какихъ нибудь 15 верстахъ отъ города; но какъ только онъ замѣтилъ спрятавшихся въ кустахъ инсургентовъ, которые, по данному сигналу, выросли какъ-бы изъ земли, то тотчасъ-же безъ одного выстрѣла бросился назадъ съ криками: «Московъ-гяуръ насъ перерѣжетъ». Между турками давно былъ распространенъ слухъ, что панагюрскій Балканъ весь полонъ *Московъ-гяурами*, которые только прячутся до опре-

дѣленнаго времени; потому-то они и приняли теперь нашихъ инсургентовъ за русскихъ. Ихъ обманула форменная одежда возставшихъ и надѣтые на нихъ барашковые колпаки съ мѣдными львами и павлиньими перьями. Но какъ бы то ни было, это курьезное бѣгство произвело большое воодушевленіе въ нашихъ горожанахъ и они еще разъ устроили шумное ликованіе въ городѣ. А въ тоже самое время между старѣйшинами нашлись люди, которые не увлеклись этими легкими побѣдами; для нихъ бѣгство непріятеля, чѣмъ бы оно ни было вызвано, не казалось дѣломъ шуточнымъ. Они, положимъ, не могли допустить, чтобы туркамъ была извѣстна численность нашего отряда, оберегавшаго татарь-базарджискую дорогу; такъ какъ, еслибы низамъ зналъ, что тамъ находятся всего 60 человѣкъ, то онъ, будучи вчетверо многочисленнѣе, непременно бы попробовалъ, по крайней мѣрѣ, завязать сраженіе и не пустился бы бѣжать безъ памяти; но съ другой стороны, если турки подумали, что тамъ находятся русскіе, или, по крайней мѣрѣ, много возстанниковъ, то не далѣе какъ черезъ два или три часа они могли телеграфировать изъ Татарь-Базарджика въ Константинополь, прося помощи. Нашимъ положительно было извѣстно, что въ это время въ Филиппополѣ не было больше регулярнаго войска; но зато оно, черезъ какія-нибудь 1½ сутокъ, легко могло прибыть по желѣзной дорогѣ въ Татарь-Базарджикъ, а оттуда уже и къ намъ. Вслѣдствіе всего этого они полагали, что надо подумать объ энергической защитѣ и что не надо терять время. И такъ они сотворили совѣтъ, на

которомъ было рѣшено укрѣпить какъ можно скорѣе татарь-базарджискую дорогу.

Тогда, на слѣдующій день утромъ, закипѣла оживленная работа на выбранныхъ позиціяхъ. Недостатка въ рукахъ и инструментахъ не было. Болѣе 4-хъ тысячъ мужчинъ и женщинъ трудились день и ночь надъ вырытіемъ окоповъ и сооруженіемъ насыпей. Кромѣ того, скоро должны были быть окончены деревянные пушки и разставлены на такихъ пунктахъ, что неприятелю даже съ огромными силами нельзя было никоимъ образомъ отсюда пробраться, тѣмъ болѣе, что единственно возможная для его тяжелой артиллеріи дорога была сильно попорчена на 4-хъ часовомъ протяженіи, а каменный мостъ, висѣвшій надъ одною пропастью, былъ въ тотъ же день взорванъ. На третій день вечеромъ работы были окончены и тогда горожане справедливо могли считать себя безопасными. Но тѣмъ не менѣе уже въ тотъ же день нѣкоторыми былъ поднятъ вопросъ о возможности наступленія турокъ и съ другихъ сторонъ. Со стороны сѣвера и сѣверо-востока златиченскій и копривщенскій проходы были сильно укрѣплены природою, такъ что даже верховая ѣзда была почти невозможна, и поэтому нельзя было сомнѣваться въ безопасности съ этихъ сторонъ; къ такому предположенію, между прочимъ, приводило и то обстоятельство, что возстаніе сильно загорѣлось и въ этихъ странахъ. Оставалось слѣдовательно позаботиться только о двухъ проходахъ: о западномъ—софійскомъ и о юго-восточномъ—филиппопольскомъ. Что касалось перваго, то хотя онъ и былъ весьма удобенъ

для непріятели, но наши, по крайнѣй мѣрѣ на первое время, считали его совершенно безопаснымъ на томъ основаніи, что въ это время весь софійскій гарнизонъ находился подъ *Нисшемъ*, а для удержанія черкесовъ и баши-бузуковъ были достаточны тѣ три отряда, которые, подъ начальствомъ одного храбраго воеводы, дѣйствовали мужественно въ этой сторонѣ и успѣли уже выбить ихъ изъ деревень Петрича, Мѣчки и Поибрене. И такъ, они рѣшили укрѣпить только юго-восточный проходъ, ибо константинопольское войско, найдя татарь-базарджикскій проходъ недоступнымъ, могло легко повернуть въ эту сторону.

Предположеніе нашихъ осуществилось прежде, чѣмъ они ожидали. 26 апрѣля, въ то самое время, какъ они выступили изъ города съ намѣреніемъ производить работы, на встрѣчу къ нимъ летѣлъ посланный стрѣльчанскимъ отрядомъ съ извѣстіемъ о неожиданномъ появленіи огромнаго непріятельскаго войска. Этотъ отрядъ просилъ немедленнаго подкрѣпленія.

Еще дня четыре тому назадъ нашъ небольшой отрядъ, состоявшій изъ 60 человекъ, выступилъ изъ города и напалъ на турецко-болгарское село *Стрѣльчу*, отстоящее на трехъ часовомъ разстояніи отъ города. Но турецкое населеніе, будучи давно вооружено правительствомъ превосходными игольчатыми ружьями, вышло имъ на встрѣчу и завязало драку. Однако, уступая натиску нашихъ, оно вскорѣ было принуждено отступить и спрятаться въ мечеть, которую хорошо защитило, и продолжало оттуда стрѣлять. Нашъ отрядъ окружилъ мечеть и предложилъ спрятавшимся

сдаться; но турки не вѣрили, что жизнь будетъ имъ пощажена, поэтому отвѣчали отказомъ. Тогда инсургенты стали пробовать взять мечеть приступомъ, но такъ какъ это не удавалось, то они отогнулись нѣсколько назадъ и подожгли турецкій кварталъ, предварительно извѣстивъ объ этомъ непріятелей. Огонь горѣлъ цѣлыхъ 4 дня и наконецъ сталъ угрожать мечети; спрятавшіеся въ ней дѣлали отчаянныя вылазки и уже готовы были сдаться, какъ вдругъ на противоположной возвышенности показался конный отрядъ, состоявшій изъ 70 человекъ и шедшій на помощь осажденнымъ изъ деревни Османова. Тогда копривщенскій отрядъ, состоявшій изъ 40 человекъ и незадолго передъ тѣмъ явившійся на помощь нашимъ, выступилъ османцамъ на встрѣчу и завязалъ сраженіе; но оно продолжалось недолго, ибо не прошло и полчаса, какъ копривщенцы начали подаваться назадъ и наконецъ совершенно убѣжали, оставивъ непріятелю и свое знамя. Тогда половина нашего отряда бросилась съ отчаянной отвагой на встрѣчу османцамъ и немедленно обратила ихъ въ бѣгство. Однако турки скоро собрались съ силой и опять наступили на нашихъ, послѣ чего произошло обратное явленіе, т. е. наши уступили непріятелю, который былъ вдвое многочисленнѣе. Тогда и другая половина нашего отряда, окружавшая мечеть, бросила это дѣло и присоединилась къ османцамъ. Завязался кровавый бой, продолжавшійся цѣлый часъ, послѣ котораго турки, разбитые на голову, убѣжали по направлению къ Османову. Такимъ образомъ Стрѣльча оставалась въ рукахъ нашихъ; однако, мы долго въ

ней не оставались, ибо въ тотъ же день появилось турецкое регулярное войско, подъ начальствомъ Адиль-паши и баши-бузуки подъ предводительствомъ Афысь-паши. Замѣтивъ это, нашъ отрядъ немедленно очистилъ Стрѣльчу и занялъ недалеко отъ ней позиціи въ цѣровскомъ лѣсу.

Когда въ городѣ это стало извѣстно, старѣйшины тотчасъ послали приказаніе ко всѣмъ отрядамъ явиться на помощь. Но нѣкоторые изъ этихъ отрядовъ, напр. отрядъ Бенковскаго, дошедшій до Бѣлева, находились такъ далеко, что только на второй день получили это приказаніе и, не смотря на это, все-таки отвѣчали отказомъ, ибо не рѣшались оставить защищаемыя деревни на произволь баши-бузукамъ; самый же сильный и при томъ ближайшій отрядъ, оберегавшій татарь-базарджикскій проходъ, ожидалъ появленія турокъ и съ этой стороны, такъ что не могъ удѣлить изъ себя никакой помощи. И такъ, минуты были критическія; старѣйшины растерялись и не знали что дѣлать.

А между тѣмъ турецкое войско, пришедши въ Стрѣльчу, заняло ее и начало укрѣпляться, полагая, что инсургенты нападутъ на него. Однако, инсургенты не являлись, и поэтому этотъ день прошелъ безъ боя. На слѣдующій день, т. е. 27-го апрѣля, турки рѣшились выступить въ погоню за инсургентами. Когда встрѣтились съ ними въ нѣровскомъ лѣсу, то завявали сраженіе, которое продолжалось полтора часа и имѣло несчастный исходъ для нашихъ, такъ какъ они потеряли изъ своей среды человекъ 15 убитыхъ и между ними храбраго воеводу Теодора

Налбатова. Прекративъ перестрѣлку, наши отступили по направленію къ городу, а турки остались на томъ же мѣстѣ, такъ какъ боялись засады.

Узнавъ результатъ происходившаго боя, горожане сочли уже все потеряннымъ, ибо туркамъ ничего не стоитъ разбить завтра и этихъ оставшихся 40 человекъ. Однако, вечеромъ того же дня, неожиданно прибылъ въ городъ побѣдоносный петришскій отрядъ, успѣвшій прогнать баши-бузуковъ въ софійскіе предѣлы, и не медля отправился на помощь погибавшимъ. Такимъ образомъ, для борьбы съ пятью-тысячнымъ регулярнымъ войскомъ и тремя тысячами черкесовъ и баши-бузуковъ, составился отрядъ изъ 160 человекъ возстанниковъ, которые заняли позиціи въ лѣсу, называемомъ Балабаповой-коріей, отстоящемъ отъ города почти на часовомъ разстояніи. 28-го апрѣля рано утромъ я присоединилась къ нѣкоторымъ изъ старѣйшинъ, пожелавшимъ присутствовать въ предстоящемъ бою съ цѣлью ободрять въ неравной борьбѣ нашихъ возстанниковъ. Какъ только мы прибыли туда, непріятель показался со всѣмъ своимъ обозомъ и горной артиллеріей. Замѣтивъ издали такое незначительное число возстанниковъ, турки подумали, что дѣло обойдется и безъ боя; вслѣдствіе этого ихъ колонны шли бодро и, на сколько позволяла мѣстность, стройно. Когда они подступили на довольно близкое разстояніе, музыка заиграла военный маршъ; затѣмъ раздалась команда и солдаты, держа ружья на перевѣсъ, устремились впередъ съ страшными криками *ура* и *помощь аллахъ!* Но въ этотъ моментъ изъ-за деревьевъ раздался дружный выстрѣлъ 160-ти ружей;

и турки пошатнулись назадъ и измѣнили свое наступательное движеніе въ выжидательное. Тогда завязался настоящій бой, въ которомъ громъ пушекъ и ружей не умолкалъ ни на минуту. Пули градомъ сыпались вокругъ нашихъ возстанниковъ, не причиняя имъ, однако, никакого вреда, такъ какъ старинные дубы защищали ихъ своею мощною грудью; оторванные и раздробленные листья, на подобіе снѣга, носились въ воздухѣ и покрывали толстою пеленою внизу лежащую почву; лишь изрѣдка разбитые сучья падали въ низъ съ трескомъ и производили минутное замѣшательство въ рядахъ нашихъ инсургентовъ. По временамъ море непріятельскихъ головъ начинало колыхаться впередъ, но, ударившись о мѣткіе выстрѣлы старинныхъ ружей, его красные волны оттягивались назадъ, оставляя по пути множество убитыхъ и раненыхъ. Такъ продолжалось цѣлыхъ три часа. Наконецъ непріятель, потерпѣвъ значительный уронъ, оттянулся назадъ и до вечера не рѣшался возобновить сраженіе; а наши, видя свою малочисленность, не рѣшались его преслѣдовать и остались на своихъ позиціяхъ. Въ эту ночь нашимъ патрульнымъ удалось поймать живыми двухъ непріятельскихъ лазутчиковъ почти у самаго города, которые на допросѣ объяснили, что были посланы съ цѣлью послушать: не играетъ-ли здѣсь русская музыка. На слѣдующій день съ разсвѣтомъ турки наступили, и опять завязался страшный бой. На этотъ разъ имъ удалось приблизиться на разстояніе около 20 шаговъ, но за то и отступили съ бѣльшимъ урономъ, чѣмъ вчера. Около обѣда они еще разъ напали на нашихъ, по

и на этотъ разъ отступили съ урономъ. На третій день, рано утромъ, непріятель съ бѣшенствомъ бросился впередъ: завязался самый ожесточенный рукопашный бой, который продолжался около 1 1/2 часа и кончился тѣмъ, что туркамъ удалось прорвать нашу линію, послѣ чего наши разбѣжались въ беспорядкѣ и очистили туркамъ дорогу въ городъ.

Однако, какъ бы ни были силы неравны, побѣжденные инсургенты, собравшись духомъ, заняли позиціи на возвышающемся надъ самымъ городомъ холмѣ, называемомъ Брдо, куда въ это время были перевезены и шесть деревянныхъ пушекъ и еще разъ рѣшились попробовать счастья. Этотъ бой продолжался два часа и кончился тѣмъ, что турки взяли приступомъ наши позиціи, послѣ чего инсургенты разбѣжались по горамъ, и отчасти вернулись въ городъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Бой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возстаніе окончилось. Десятидневная свобода и независимость прошли безвозвратно. Потеря турокъ въ эти три дня простиралась до 400 убитыхъ и болѣе 200 раненыхъ, а изъ нашихъ инсургентовъ было убито 62 человекъ и ранено 27.

III.

Послѣдствія возстанія и моя дальнѣйшая судьба.

Теперь побѣдитель былъ у воротъ; однако, онъ медлил по чему-то войти въ городъ. Прогнавъ съ Брда инсургентовъ и занявъ ихъ позиціи, турки

расположились какъ слѣдуетъ, а потомъ открыли по городу пушечную канонаду. Однако, ихъ огонь причинялъ не очень большой вредъ, такъ какъ жители принялись тушить начинавшіеся пожары. По прошествіи 3-хъ часовъ, половина низама и всѣ башибузуки бросились въ городъ; но здѣсь ихъ встрѣтили спрятавшіеся за заборами инсургенты. Опять завязалась драка, въ которой погибъ какой-то непріятельскій подполковникъ; послѣ сего турки опять убѣжали назадъ и продолжали канонаду до самаго вечера.

Впродолженіе наступавшей ночи, только весьма немногіе изъ нашихъ горожанъ догадались бѣжать. Они предвидѣли роковыя послѣдствія проиграннаго дѣла, и поэтому, пользуясь мракомъ южной майской ночи, успѣли убраться изъ города, оставивъ свои дома и все имущество на произволь судьбы. Другіе же, въ томъ числѣ и наше семейство, не могли и подумать о томъ, что могло совершиться впослѣдствіи. Самое страшное, что мы могли себѣ представить,—это то, что турки переловятъ завтра всѣхъ виновныхъ и отведутъ ихъ связанными въ Филиппополь для наказанія; съ остальныхъ же возьмутъ военной контрибуціи сколько вздумаютъ, или скорѣе, сколько найдутъ. Что же касалось нашего семейства, то мы были до нѣкоторой степени спокойны на счетъ отвѣтственности, такъ какъ имѣли въ виду выставить то обстоятельство, что меня насильно заставили шить знамя. И такъ мы оставались въ городѣ, думая этимъ показать, что за собою не чувствуемъ никакого грѣха.

Какъ только стало разсвѣтать, въ турецкомъ лагерьѣ началось какое-то движеніе; черезъ нѣсколько минутъ уже ясно было, что правый и лѣвый фланги желали отдѣлиться отъ средняго, который сталъ расширять занимаемое имъ пространство, оставаясь, однако, на восточной сторонѣ города; еще далѣе эти два фланга начали окружать городъ кольцомъ. Теперь уже многіе изъ нашихъ убѣдились, что произойдетъ что-то недоброе. Разумѣется, многіе начали бѣжать изъ города, но уже было поздно, ибо низамъ пустился за ними въ погоню и положилъ ихъ на мѣстѣ, не различая ни пола, ни возраста. Послѣ этого въ городѣ произошла страшная паника: всѣ спѣшили укрыться и не находили мѣста; мужчины, женщины, дѣти и старики толпами входили изъ дома въ домъ и перебѣгали переулки. Нѣсколько минутъ спустя подоспѣли и турки. Тогда началось то, что всѣмъ извѣстно:—рѣзня самая беспощадная и самая возмутительная. Турки цѣлый день бѣгали по городу, грабили что попадалось, убивали кого вздумалось, не исключая даже домашнихъ птицъ и животныхъ. Особенною жестокостью они отличались въ лучшихъ домахъ, гдѣ предполагалось богатство. Тамъ они производили такія истязанія и пытки, что онѣ просто непостижимы разуму человѣческому. Проклятія, послѣдніе крики умирающихъ, ревъ испуганныхъ коровъ, лай разъяренныхъ собакъ, трескъ тлѣвшихъ домовъ, наконецъ громъ ружей и пушекъ составляли такую страшную картину, о которой трудно себѣ составить даже понятіе.

Еще въ самага утра мы приготовились къ смерти.

Отецъ благословилъ насъ и прочелъ молитву.... Затѣмъ мы остались въ комнатѣ и стали безмолвно дожидаться. Минуты ожиданія казались вѣчностью.... Но, наконецъ, калитка распахнулась и на дворъ вошли 5—6 отвратительныхъ фигуръ. Дѣти въ испугѣ закричали и у всѣхъ сердце сильно забилося. Отецъ, не говоря ни слова, окинулъ насъ послѣднимъ томнымъ взглядомъ и вышелъ на дворъ невѣрными шагами: мы не могли промолвить ни слова, не могли спросить у него: куда онъ идетъ и зачѣмъ. Но черезъ минуту онъ уже былъ посрединѣ двора, у ногъ палачей, и о чемъ-то молился. У насъ трепетъ прошелъ по всему тѣлу и мы съ нетерпѣніемъ слѣдили за каждымъ его движеніемъ. Вотъ, онъ уже встаетъ, вынимаетъ изъ кармана кошелекъ и отдаетъ имъ, не переставая молиться; они протягиваютъ руки. Въ это время до насъ доносятся слова: «Эхъ, папась-эффенди! Видно, ты хорошій человекъ былъ, но такихъ не вѣлено оставлять». «Проклятые!» произнесла мать и пошатнулась. Я поспѣшила поддержать ее и тотчасъ же опять посмотрѣла въ окно. Но, Боже мой, онъ уже крестится, а въ его грудь прицѣпились въ упоръ изъ ружья. Въ эту минуту раздался выстрѣлъ, и онъ упалъ на землю.... Мать вскрикнула и упала изъ моихъ рукъ на полъ; малютки страшнымъ голосомъ заревѣли и попрятались въ углахъ; у меня же потемнѣло въ глазахъ, и я ухватилась за револьверъ.... Но рука тотчасъ же опустилась, ноги подкосились, и я упала возлѣ матери.... Черезъ минуту я почувствовала холодный потъ на лбу и открыла глаза. Мать тихо стонала, а дѣти ее окру-

жили и цѣловали. Я поднялась на ноги и безсознательно выбѣжала на дворъ, гдѣ упала около тѣла родителя. Въ пяти шагахъ турки дѣлили деньги и покинули меня свирѣпымъ взглядомъ. Я начала молиться, и слезы ручьемъ потекли изъ моихъ глазъ. Въ это время слышались глухіе стоны матери, которая упала въ двухъ шагахъ. Я встала помочь ей приблизиться, а потомъ мы вмѣстѣ зарыдали... Черезъ нѣсколько минутъ дворъ уже былъ полонъ турокъ, и насъ грубо заставили подняться на ноги. Я никогда не забуду эти безмилосердные удары прикладомъ!

Что дѣлалось въ это время въ домѣ, что случилось съ дѣтьми, мы этого не знали. Часть турокъ уже давно хозяйничала въ домѣ, а другая повела насъ на улицу и заставила идти впередъ. Однако, скоро, пройдя нѣкоторое разстояніе, турки замѣтили одинъ красивый и богатый домъ, и всѣ устремились туда, оставивъ насъ на улицѣ. Теперь чувство самосохраненія приказывало намъ бѣжать и мы мгновенно осмотрѣлись вокругъ. Къ счастью, по близости находился одинъ совершенно невзрачный домъ, куда мы и устремились. Войдя въ дверь, мы нашли внутри старыя платья, которыя успѣшили надѣть на себя, въ надеждѣ, что они помогутъ намъ скрыться. Но, пробывъ здѣсь около 3-хъ или 4-хъ часовъ, мы побоялись, что насъ очень легко отыщутъ, и поэтому перебѣжали въ другой сосѣдній домъ, гдѣ, какъ намъ было извѣстно, находился потаенный погребъ. Здѣсь уже прятались 46 человекъ женщинъ и дѣтей. Турки безпрестанно приходили въ этотъ домъ, но имъ

не удалось отыскать наше убѣжище. По прошествіи полутора сутокъ загорѣлся одинъ домъ по сосѣдству и мы, побоявшись пожара, вышли оттуда съ намѣреніемъ убѣжать въ горы. Было уже три часа пополудни, и солнце въ это время сильно пекло; улица представляла страшный видъ, ибо она положительно вся была усѣяна трупами, которые уже начали разлагаться. По ней не было видно ни одного живаго существа. Мы пустились бѣжать, ибо страшно было глядѣть на эти трупы; когда перешли на другую, третью улицы и тамъ было тоже самое. Мы уже были недалеко отъ заставы, но въ это время изъ за угла показалось такое множество солдатъ, что они совершенно загородили дорогу; тогда мы въ одинъ голосъ вскричали и начали просить у нихъ пощады. Турки окружили насъ и начали бить прикладами и колоть штыками, требуя денегъ. У кого что было, разумѣется, отдали; но этимъ они себѣ больше повредили, такъ какъ турки стали ихъ еще больше мучить. Такъ, у одной несчастной находилось около 10 тыс. піастровъ (650 руб.), и когда она ихъ отдала, одинъ изъ солдатъ потребовалъ еще; а такъ какъ у нея не было больше, то онъ вынулъ саблю и замахнулся, послѣ чего голова несчастной повисла на грудь, и она тутъ же упала; затѣмъ онъ распоролъ у ней животъ и сталъ изливать свой гнѣвъ надъ ея зародышемъ.... Пока это происходило, насъ били и кололи, продолжая требовать денегъ; мы клялись, что у насъ ничего нѣтъ, но турки не хотѣли вѣрить. Наконецъ они обыскали насъ всѣхъ, и, убѣдившись, что мы говорили правду, повели дальше

Куда насъ ведутъ, мы этого не знали; но, услыхавъ по дорогѣ, что «онъ находится около церкви», мы подумали, что насъ ведутъ къ пашѣ, чтобы испросить позволенія убить всѣхъ. Дѣйствительно, насъ вели къ церкви. На площади лежало около 50 труповъ, страшно обезображенныхъ; у одного выколоты глаза, у другаго отрѣзаны уши, руки, ноги и т. д. Рядомъ съ ними лежала женщина еще полуживая, мѣтавшаяся въ предсмертной агоніи и державшая въ рукахъ голову убитаго около нея ребенка.... Наконецъ мы прошли эту площадь и повернули за уголъ. Тамъ Адиль-паша находился около пушекъ, разрушавшихъ церковь. Замѣтивъ насъ издали, онъ послалъ намъ на встрѣчу какого-то офицера, который сказалъ что-то солдатамъ, и они повели насъ обратно. По дорогѣ возлѣ одного забора лежала женщина съ отрубленною головою, а ея шестимѣсячный ребенокъ сосалъ у ней грудь.... Замѣтивъ это, одинъ изъ солдатъ захохоталъ и, повернувъ ружье, прокололъ ребенка въ животъ; несчастный младенецъ пересталъ плакать.... Пройдя еще нѣсколько переулковъ, насъ остановили передъ однимъ богатымъ домомъ, принадлежавшимъ Петру Дудакову, все семейство котораго было звѣрски убито. Тамъ жилъ теперь Афысь-паша. Когда насъ привели къ нему, то бывшія съ нами дѣти, по совѣту своихъ матерей, поклонились ему въ землю и стали цѣловать полу его кафтана. Тогда великодушный паша произнесъ: «я вамъ дарю жизнь, потому что вы очень бѣдны». Послѣ сего онъ приказалъ солдатамъ отвести насъ къ «дочкамъ», и они немедленно повели насъ об-

ратно. Черезъ нѣсколько минутъ насъ впустили въ одинъ дворъ, гдѣ было заперто до 9.000 женщинъ дѣтей и немного мужчинъ. Половину этого числа составляли поселяне окружныхъ деревень, искавшихъ во время возстанія спасенія въ Панагюриштѣ. Войдя на дворъ, мы усѣлись вмѣстѣ съ другими, и ноги уже отказались служить. Здѣсь всѣ сидѣли неподвижно и безмолвно, только по временамъ раздавались глухіе стоны раненыхъ и невинные крики младенцевъ. Лица у всѣхъ были блѣдны, загорѣлы и покрыты пылью; тусклые глаза то и дѣло возводились къ небу, а изъ груди вырывались нѣмые вздохи.

Спустя нѣсколько часовъ, ко мнѣ осторожно подошла одна старушка и сказала, чтобы я не сидѣла рядомъ съ матерью, а отошла бы на другое мѣсто, ибо одна женщина, которая меня хорошо знаетъ, отправилась, по приказанію паши, отыскивать меня по городу вмѣстѣ съ солдатами. Я послушала совѣта старушки и вмѣстѣ съ нею пробралась въ другой конецъ двора, гдѣ одна поселянка перемѣнилась со мною частью своей одежды, а старушка замарала у меня лицо отысканнымъ ею углемъ. Не успѣли мы это окончить, какъ на дворъ вошла вышеупомянутая женщина съ 10—12 солдатами. Несмотря хотя она и искрестила дворъ нѣсколько разъ во всѣмъ направленіямъ, ей не удалось узнать меня. Когда же она розыскала мою мать, то солдаты начали ее спрашивать: есть ли у нея дочь и гдѣ она находится. Мать отвѣчала имъ, что я погибла вмѣстѣ съ отцемъ, и теперь, слѣдовательно, нахожусь въ

томъ свѣтъ. Они ей повѣрили и затѣмъ удалились. На этомъ дворѣ мы находились три дня, и только два раза получили по небольшому куску хлѣба.

Въ это время пожаръ все еще продолжался. Войско тщательно обыскивало всѣ дома и всѣ строенія. Самъ Афысь-паша ходилъ повсюду съ солдатами и, отыскивая деньги, рылся по сгорѣвшимъ домамъ, по сараямъ, погребамъ, конюшнямъ и колодцамъ. Послѣ этого обыска, въ недавно цвѣтущемъ городѣ, не осталось ни одного піастра, ни одного платья и ни одного горшка. 300 повозокъ увезли все въ сосѣднія турецкія деревни. Матеріальные убытки нашего города простирались до 30 милліоновъ піастровъ (3 м. руб.), не включая въ это число до 400 сожженныхъ домовъ и до 2,000 людей убитыхъ. Обѣ церкви, оба мужскія училища, всѣ лавки и магазины, наконецъ всѣ лучшіе дома въ городѣ обратились въ мусоръ и пепель.

Послѣ этой катастрофы, участь нашего города постигла и всѣ окружныя деревни. Въ это время исчезла и чуть ли не единственная во всей Болгаріи рѣдкость—церковь въ деревнѣ Мѣчка, оставшаяся отъ временъ болгарскаго царства (сооружена въ IX вѣкѣ).

Послѣ трехдневнаго ареста, на шестой день убійствъ, грабежа и пожаровъ, насъ выпустили на свободу. Тогда же было объявлено прощенье и позволеніе вернуться домой тѣмъ, которые прятались въ горахъ; но, не смотря на это, у заставы всѣхъ поголовно обыскивали и подвергали побоямъ. Первымъ изъ освобожденныхъ изъ подъ ареста бы-

ло погребеніе убитыхъ, потому что атмосфера была невыносимая до крайности.

Нашъ домъ остался цѣлъ и теперь долженъ былъ пріютить мою тетку, у которой погорѣло все. Все мои маленькіе братья и сестры остались живы; ихъ привела домой одна наша сосѣдка, вмѣстѣ съ которой они находились на томъ же дворѣ, гдѣ и мы.

Въ домѣ было сохранено только около четверти оставшейся муки, а все остальное исчезло. Возвратившись домой, я боялась выходить не только на улицу, но и на дворъ. Поводомъ къ этому послужило то, что нѣсколько солдатъ еще въ первый же день навѣстили нашъ домъ, но, не отыскавъ желаемого, ушли, не говоря ни слова. Послѣ этого они перестали уже беспокоить насъ, и мы стали думать, что они обо мнѣ забыли, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нашихъ сосѣдей какъ-то узнали, что я осталась жива. Но спустя 25 дней, въ нашъ домъ неожиданно нагрянули десять человекъ солдатъ и двое изъ нашихъ горожанъ. Такъ какъ мнѣ не удалось спрятаться, то они, подошедши, очень вѣжливо потребовали, чтобъ я послѣдовала за ними, такъ какъ батальонъ (въ это время еще оставался одинъ полкъ в городѣ) желаетъ меня видѣть и о чемъ-то разспросить. Услышавъ эти слова, моя мать заплакала, и она полагала, что меня взяли съ тѣмъ, чтобы убить; но я вмѣстѣ съ своими соотечественниками постаралась убѣдить ее, что ничего дурнаго не будетъ. Однако по дорогѣ я сама стала сомнѣваться въ этомъ. Мнѣ невольно вспомнились слова, произнесенныя еще много долго до возстанія другомъ моего покойнаго род

...ам. Я живо себя представила его глубокомысленное молчание во время моего разказа о насильственном исторгнутомъ у меня согласіи шить болгарское знамя и потомъ сказанныя имъ съ глубокимъ вздохомъ слова: «отъ турокъ придется тебѣ пострадать». Теперь я уже повѣрила, что это не простыя слова, а настоящее пророчество, которое исполнится во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Мнѣ невольно вспомнились разказы о турецкихъ тюрьмахъ со всѣми ихъ ужасами... пожизненное заключеніе... и меня тотчасъ объялъ какой-то необыкновенный страхъ: руки и ноги тряслись, сердце громко стучало и стремилось вырваться наружу, кровь съ шумомъ проносилась по всему тѣлу, въ глазахъ совершенно потемнѣло и я упала на землю.... Черезъ нѣсколько минутъ обоимъ соотечественникамъ помогли мнѣ подняться на ноги и смотрѣли на меня испуганнымъ взглядомъ. Солдаты шли безмолвно и не понуждали меня ускорять шаги. Я постепенно приходила въ себя и стала мириться съ предстоящими испытаніями.... Однако, тюрьма и медленная смерть все же казались мнѣ жестоко мучительными. Я въ сто кратъ стала сожалѣть о томъ, что мнѣ не пришлось умереть еще тогда, вмѣстѣ съ отцемъ, ибо та смерть была легкая и скорая, безо всякихъ душевныхъ волненій и тѣлесныхъ мученій; притомъ, тамъ прямо меня ожидалъ вѣнецъ болгарскихъ мучениковъ и мученицъ. И скажутъ нѣкогда будущія поколѣнія: «Она умерла за болгарское имя и свободу».... А теперь приходилось изнывать гдѣ нибудь въ тюрьмѣ и окончить жизнь позорною смертію, не будучи ни кѣмъ замѣченной....

А мать, эта нѣжная и любящая мать, и безъ того горемъ убитая женщина? За что она должна выносить этотъ постоянный страхъ, эти жгучія страданія — Нѣтъ, надо постараться умереть, рѣшила я, надо покончить разомъ, чтобы не отравлять, по крайней мѣрѣ, невинныя воображенія малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ!...

Въ это время мы подошли къ конаку. Я бодрымъ поднялась по лѣстницѣ. На диванѣ, полулежа, сидѣли бинбаши и мидюръ, покуривая длинные чубуки. Они внимательно смотрѣли на меня нѣсколько минутъ, а потомъ бинбаши обратился съ такимъ видомъ:

— Ты ли носила знамя?

— Достославный вельможа, отвѣтила я.— Я училась всѣмъ наукамъ и читала всѣ книги; я хорошо знаю девятую заповѣдь нашего закона, и поэтому скажу тебѣ настоящую истину: да, я его носила.

Этотъ отвѣтъ, какъ и слѣдовало ожидать, ему понравился. Турки никогда не любятъ прямого признанія, такъ какъ оно скорѣе ведетъ къ разрѣшенію дѣла и отнимаетъ у нихъ возможность подвергнуть подсудимаго пыткамъ, что они исполняютъ съ величайшимъ наслажденіемъ. Поэтому, услышавъ мой отвѣтъ, бинбаши грозно посмотрѣлъ на меня и пригрозилъ:

— Какимъ же образомъ и на основаніи какой заповѣди ты, будучи женщина, взялась не за свое дѣло и, обратившись въ мужчину, носила знамя и жила съ нимъ искушать миролюбивый народъ и ободрять бунтовщиковъ? Скажи, несчастная, какъ

другая болгарская женщина рѣшилась бы, подобно тебѣ, такъ сумасбродно жертвовать своею жизнью? Знаешь ли ты, что мы написали въ Филиппополь, что ты жива. и что оттуда скоро придетъ приказаніе повѣсить тебя?

— Да, отвѣтила я. Ни одна женщина на это не рѣшилась. Но, не смотря на это, вы убили много женщинъ, которыя не сдѣлали никакого зла. Вы пришли не съ тѣмъ, чтобы усмирять возставшихъ, а чтобы убивать невинныхъ и ограбить ихъ имущество. Развѣ вамъ сдѣлалъ что нибудь весь болгарскій народъ, у котораго вы пятьсотъ лѣтъ злодѣйски сосете невинную кровь и теперь, когда онъ возсталъ, чтобы вырваться изъ вашихъ адскихъ рукъ, вы такъ звѣрски разъярились и продолжали цѣлую недѣлю рѣзать, пока сами устали?

— Я тебѣ покажу и болгарскій народъ, и свободу, отвѣтилъ бинбаши съ злобной улыбкой;—только жаль, что ты теперь сошла съума и не почувствуешь это. Впрочемъ, и безъ этого, когда ты отвѣдаешь желѣзной веревки, то сама позабудешь и болгарскій народъ и все. Слушай, несчастная! Если ты хочешь, чтобы тебя не отвозили въ Филиппополь, то я объ этомъ постараюсь; только ты должна за то отвѣтить мнѣ на нѣкоторые вопросы, которые я хочу тебѣ задать.

Я поняла его намѣреніе; поэтому рѣшилась умолчать о всемъ, что не касалось меня, ибо я не желала подвергать опасности другихъ.

— Хорошо, я буду отвѣчать на все, если толь-

— Скажи: сколько было у васъ ружей, сабель и револьверовъ?

— Ружье было у каждаго возстанника, а сабли и револьверъ не всякій имѣлъ.

-- Такъ сколько же выходитъ?

— Я ихъ не считала; да, кажется, объ этомъ никто навѣрное не знаетъ.

— Ну, а сколько было сундуковъ съ игольчатыми ружьями?

— Такихъ я не видала ни одного.

— Кто покупалъ возстанникамъ ружья и револьверы?

— Объ этомъ я ничего не слышала.

— Ну, когда такъ, иди теперь домой и не забудь что я опять тебя позову. Тогда ты должна сказать мнѣ все, что вспомнишь и что знаешь.

Эти слова до того показались невѣроятными, что я не повѣрила своимъ ушамъ. Однако, по его приказанію, меня сейчасъ же вывели изъ комнаты и тамъ же 10 солдатъ и проводили домой. У воротъ они простились со мною очень вѣжливо и сказали, что бы я ничего не боялась, такъ какъ этотъ бинбагъ очень хорошій человекъ и можетъ простить мнѣ все, если въ слѣдующій разъ я расскажу ему настоящую истину.

Пришедши домой, я рассказала домашнимъ, какъ обошлись со мною, и они начали креститься и благодарить Бога за то, что онъ сдѣлалъ мою вину милосердною. Но, не смотря на это, въ послѣдующіе дни сердце у всѣхъ оставалось непокойнымъ. Родные очевидно боялись за меня, и поэтому я старалась

избѣгать разговора объ этомъ дѣлѣ. Десять дней прошло въ тревожномъ ожиданіи. На 11-й день вечеромъ, часовъ около девяти, послышался сильный стукъ у воротъ и громкій разговоръ многолюдной толпы. «Это они!» произнесла мать и пустилась бѣжать отворить имъ калитку, чтобы они не разсердились за долгое ожиданіе. Черезъ минуту на дворъ взошли человекъ 20 солдатъ съ однимъ переводчикомъ изъ нашихъ, который несъ въ рукахъ веревку. Увидя ихъ изъ окна, тетка заплакала, а дѣти ухватились ручками за мое платье, приговаривая: «Сестрица, мы тебя не пустимъ!» Когда турки взошли въ комнату, переводчикъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Готовься немедленно въ конакъ, ибо тебя требуютъ; а если ты не пожелаешь идти добровольно, то тебя свяжутъ этой веревкой.

Изъ этихъ словъ я поняла, что уже начинается то, что я давно предчувствовала. Я направилась къ выходу, а мать зарыдала и, обнявъ меня, объявила, что пойдетъ присутствовать при моей смерти. Ей не воспрепятствовали идти со мною, однако не позволяли идти радомъ, и всякій разъ, когда она желала приблизиться, ее звѣрски отталкивали. По дорогѣ мнѣ приходили въ голову тысячи мыслей, и я не могла выбрать изъ нихъ такую, которая заставила бы бинбаши рѣшить мою участь. Однако, оказалось, что я трудилась напрасно. Бинбаши, въ это время, не было въ конакѣ, а былъ только одинъ мидюръ. Когда я взошла въ присутственную комнату, меня поставили противъ него, и два солдата съ саблями наголо выстроились по обѣимъ сторонамъ. Въ это время ми-

дюръ спросилъ меня: зачѣмъ при входѣ я ему поклонилась; но такъ какъ я ничего ему не отвѣтила, то онъ разозлился и пустилъ цѣлый потокъ самыхъ грязныхъ ругательствъ. Я все молчала даже повернула голову въ сторону, чтобы его не слушать. Это еще больше его раздражило, и онъ произнесъ:

— Такъ ты не хочешь и слышать? или ты не знаешь, кто я и что я имѣю власть убить тебя?

Это мнѣ почему-то напомнило Пилата, и я невольно улыбнулась.

— А! тебѣ хочется смѣяться. Дайте отсюда палки или нѣтъ, подождите: я сначала посмотрю, будетъ ли она отвѣчать. Ну, начинай говорить о всемъ!

— О чемъ? спросила я, послѣ нѣкотораго молчанія.

— О всемъ, что знаешь, поспѣшно произнесъ онъ.

— Мидюръ-Эфенди, я знаю многое, потому что читала всѣ книги; но теперь считаю неудобнымъ рассказывать, такъ какъ ты ничего не поймешь.

— А кромѣ книгъ, больше ничего не знаешь?

— Больше ничего.

— Ну, такъ я тебя научу и другому. Ахмедъ отведи ее теперь въ тюрьму, а завтра увидимъ чемъ она выучилась!

Въ это время мои соотечественники, бывшіе присутственной комнатѣ, начали кланяться ему на ноги и просить его, чтобъ онъ отпустилъ меня домой, такъ какъ я невинна. Но онъ и ихъ обругалъ, а потомъ вынулъ изъ пазухи бумагу, которую ударилъ по дивану, говоря:

— Знаете ли вы, что у меня есть приказъ изъ

Филиппополя и что въ немъ написано, чтобы я послала туда эту вашу королевну вмѣстѣ съ ея знаменемъ?

Затѣмъ онъ потребовалъ веревку и, связавъ мнѣ руки назадъ, вытолкалъ меня съ побоями изъ комнаты. Мать, дожидавшаяся на дворѣ у крыльца, бросилась ко мнѣ, когда я спускалась по лѣстницѣ, но солдаты и ее вытолкали съ побоями изъ конака.

Тюрьмою, въ которой я должна была провести ночь, служилъ старый сарай съ провалившеюся уже крышею, ибо всѣ другія тюрьмы были переполнены мужчинами. Съ наступленіемъ ночи пошелъ проливной дождь. Черезъ нѣсколько минутъ тюрьма моя превратилась въ болото, такъ какъ потоки отъ дождя изливались въ нее свободно сквозь крышу. Напрасно я старалась найти сухое мѣстечко, чтобы присѣсть. Простоявъ до полуночи въ холодной водѣ, я почувствовала сильный ознобъ. Я попробовала ходить чтобы согрѣться, но это не помогло: ознобъ усиливался, ноги мои стали подкашиваться, голова закружилась и я упала безъ чувствъ.... Проснувшись на другой день, я увидѣла себя уже не въ сараѣ, а въ кухнѣ, гдѣ старались отогрѣть меня. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ мидюръ и приказалъ отвести меня домой переодѣться, чтобы потомъ немедленно отправить меня въ Филиппополь. Желаніе увидѣть матушку придало мнѣ немного силы: я поднялась на ноги и въ сопровожденіи двухъ запѣвѣвъ (полицейскихъ солдатъ) побрела домой. На порогъ родительскаго дома встрѣтили меня, горько рыдая, мать и тетка моя. Я залилась слезами и упала въ ихъ объятіе. Онѣ внесли меня на рукахъ въ комна-

ту, переодѣли меня, и черезъ нѣсколько минутъ я уже сидѣла у камина, стараясь отогрѣть свои ооченѣвшія ноги и руки. Такъ какъ начавшійся съ вечера проливной дождь еще болѣе усилился, то мидюръ прислалъ одного болгарина сказать мнѣ, что отъѣздъ мой въ Филиппополь отложили до другаго дня. Услышавъ, что меня хотятъ отправить въ Филиппополь, мать потеряла сознание. Тетка моя совершенно растерялась; у меня началась лихорадка, продолжавшаяся цѣлую ночь. На другой день мидюръ прислалъ за мною повозку, въ которой я должна была ѣхать въ Филиппополь. Домъ нашъ огласился рыданіями; мать, тетка, братья и сестры мои окружили меня; начались прощанья, которыя навѣрно не кончились бы до самаго вечера, еслибы одинъ изъ солдатъ, сторожившихъ меня прошедшую ночь, не прикрикнулъ грубо, чтобы я не медлила. Меня посадили въ повозку, которая направилась къ конаку. Мать моя не хотѣла разстаться со мною и побрела за повозкою въ конакъ, чтобы испросить позволеніе поѣхать со мною въ Филиппополь, но мидюръ велѣлъ выгнать ее изъ конака. Однако, принявъ во вниманіе плохое состояніе моего здоровья, мидюръ позволилъ одной доброй старушкѣ проводить меня до Филиппополя. Въ этотъ же день вечеромъ повозка моя, въ сопровожденіи четырехъ солдатъ, вѣхала въ Татаръ-Базарджикъ, и, такъ какъ было уже поздно, то солдаты не хотѣли ѣхать дальше и заставили меня остановиться на ночлегъ у добраго знакомаго нашего возницы. На другой день я, по приказанію солдатъ, явилась къ каймакаму, который, увидѣвъ

меня, злобно поздравилъ съ прївдомъ, величая меня болгарскою королевной.

Прочитавши присланное ему изъ Панагюришта письмо, каймакамъ насмѣшливо спросилъ меня:

— Правда ли, что ты болгарская королевна?

Я ему не отвѣтила ничего.

— Да что же ты молчишь; развѣ не ты—та *Райна*, которая вышивала и носила знамя?

— Я та самая, отвѣтила я.

— Въ такомъ случаѣ ты же и болгарская королевна. Не правда ли? Или тебѣ это не нравится?

— Я не королевна. Ты это видишь по моей одеждѣ.

— А развѣ ты и прежде была въ этомъ платьѣ?

— Нѣтъ, у меня была своя одежда, но ее украли мои люди.

Каймакамъ что-то пробормоталъ и, прочитавъ еще разъ письмо, снова обратился къ разпросамъ.

— У тебя были револьверъ и сабля; гдѣ они теперь?

— Спроси своихъ солдатъ—они тебѣ вѣрнѣе это скажутъ.

— Какая ты сердитая, однако! Тебѣ, должно быть, кажется, что ты приказываешь своимъ сумасброднымъ каймакамъ. Нѣтъ, почтенная, ихъ здѣсь нѣту, и ты находишься передъ татарь-базарджикскимъ каймакомъ. Поэтому я бы тебѣ совѣтывалъ отвѣчать на мои вопросы спокойнѣе и яснѣе, если ты только не сделаешь отвѣдать моей тюрьмы. Понимаешь что я хочу выразить?

— Я совершенно понимаю; только мнѣ кажется,

что ты долженъ лишиться этого удовольствія, такъ какъ приказъ относительно меня высланъ изъ Филиппополя, а не отсюда, и слѣдовательно у меня нѣтъ времени оставаться здѣсь.

Этотъ отвѣтъ до того его ввѣсилъ, что онъ вскочилъ съ дивана и вскричалъ:

— Прочь отсюда, негодная, и впередъ не смѣй такъ дерзко отвѣчать, а то я тебѣ покажу, кто я.

Меня увели въ другую комнату, гдѣ находилось множество турокъ. Когда я взошла, то всѣ закричали въ одинъ голосъ: „болгарская королева, болгарская королева!“ Потомъ, переговоривши о чемъ-то шепотомъ, они начали по очереди подступать ко мнѣ и ударять меня по лицу, съ словами: „привѣтъ тебѣ, королева“. Въ то время, когда послѣдній турокъ подошелъ ко мнѣ, меня опять позвали къ каймакаму. На этотъ разъ онъ спросилъ серьезнымъ голосомъ:

— Можешь ли ты поклясться въ томъ, что всѣ сказанное тобою въ Панагюриштѣ вѣрно, и что ты ничего не скрываешь?

— Я тамъ сказала все, что знала, поэтому для меня не трудно поклясться; но это бесполезно, ибо все сказанное мною вѣрно.

— Ну, когда такъ, иди къ юзбаши; онъ тебѣ дастъ письмо, съ которымъ поѣдешь въ Филиппополь.

Меня опять повели двое солдатъ въ ту комнату, гдѣ находился юзбаши. Въ то время, когда я проходила по корридору, онъ былъ полонъ турчанокъ, которыя, увидѣвъ меня, начали издѣваться надо мною.

и оплевали до того, что моя одежда совершенно по-быхла. Мнѣ сдѣлалось такъ обидно, что слезы невольно полились изъ глазъ. Наконецъ я прошла корридоръ, и меня ввели въ комнату, гдѣ черезъ нѣсколько минутъ подали упомянутое письмо.

Спустя полчаса, меня посадили въ туже повозку. Съ нами сѣлъ еще болгаринъ, родомъ изъ Татаръ-Базарджика, неизвѣстно съ какой цѣлью причисленный къ намъ. Дорога была тяжелая, такъ что мы только къ вечеру пріѣхали туда. Меня отвезли прямо въ конакъ. Дворъ былъ до того полонъ турокъ обоего пола, что четверымъ солдатамъ, провожавшимъ меня, на силу удавалось прокладывать дорогу. Каждая турчанка плевала въ меня и ударяла по лицу, а каждый турокъ произносилъ грязныя ругательства. Наконецъ мы добрались до зданія *большаго меджлиса*, гдѣ въ это время находилось множество чиновниковъ. Одинъ изъ этихъ чиновниковъ, узнавъ, что я пріѣхала, бросилъ бумаги, которыя держалъ и, подошедши ко мнѣ, обратился съ вопросомъ:

— Это ты болгарская королева?

— Я не знаю, чтобы я была такою, отвѣтила я.

— Ну, а ты шила и носила знамя?

— Да, я.

— Кто же тебя заставилъ шить его?

— Тотъ, кто называется воеводою, а кромѣ его никто больше, развѣ только народное чувство.

— Съ такими отвѣтами и чувствами ты скоро прогуляешься на филиппопольской кюпріѣ *). Гой, Османъ! отведи ее въ тюрьму „Имамъ-Евине“.

*) Кюпрі: турецки означаетъ мостъ. Тамъ турки обыкновенно вѣшаютъ.

Тюрьма Имамъ-Евине находилась не на самомъ дворѣ конака, но по сосѣдству съ нимъ — это тотъ же сарай каменный, углубленный въ землю. Когда старый турокъ, приведшій меня сюда, отперъ дверь и толкнулъ меня внутрь, я подумала: здѣсь и будетъ моя смерть. Внутри былъ непроницаемый мракъ, полъ (голая земля) влажный и атмосфера невыносимо удушливая. Я боялась сдѣлать и шагъ впередъ, вслѣдствіе чего я оставалась у самой двери; какой-то неимовѣрный страхъ овладѣлъ мною, и я затрепетала всѣмъ тѣломъ, какъ будто меня сильнѣйшею лихорадкою трясло; въ головѣ роились мысли одна ужаснѣе другой, и мнѣ подъ конецъ стало до того невыносимо, что я упала на колѣни и стала молить Бога о томъ, чтобы онъ меня поскорѣе избавилъ отъ жестокостей сего свѣта.... Въ эту минуту гдѣ-то едва слышались медленные тяжелые шаги, которые постепенно становились все слышнѣе и наконецъ прекратились у самой двери, которая съ шумомъ стала отворяться. Я подумала, что Богъ услышалъ мою молитву и мнѣ сдѣлалось легко, — я встала съ намѣреніемъ заранѣе преклонить голову палачу, котораго уже поблагодарила въ душѣ; но въ эту минуту дверь распахнулась, и на порогъ сталъ тотъ же старый турокъ съ фонаремъ въ рукахъ. Войдя въ тюрьму, онъ заперъ ее снутри и направился къ противоположному углу, гдѣ находилась маленькая лампадка и сталъ зажигать ее. Въ это время я начала осматривать свое жилище и машинально вскричала отъ испуга: здѣсь я была не одна — въ одномъ углу лежала женская фигура, чернѣе угля, а въ другомъ

была закована другая женщина, нѣсколько бѣлѣе и совершенно нагая. Зажегши лампадку, старикъ направился къ закованной узницѣ и началъ освобождать отъ оковъ, послѣ чего вышелъ изъ тюрьмы и заперъ снаружи. Узница, какъ только освободилась отъ цѣпей, начала хохотать, подпрыгивать, плясать и пѣть какимъ-то замогильнымъ голосомъ турецкія пѣсни. Въ это время лежавшая проснулась и, замѣтивъ меня, подозвала къ себѣ, но я боялась подойти и не трогалась съ мѣста. Она, должно быть, догадалась о причинѣ моей боязни и начала уговаривать, чтобы я не боялась ея чернаго цвѣта:

— Я цыганка и такая же узница какъ и ты; не бойся, подойди ко мнѣ.

Я подошла къ ней, и она усадила меня подлѣ себя.

— Не отходи отъ меня, сказала она,—потому что наша сожительница сумасшедшая; ее развязываютъ каждую ночь и она почти всегда бросается на меня, но такъ какъ я сильнѣе ея, то она не можетъ мнѣ сдѣлать никакого вреда.

Какъ бы не были утѣшительны эти слова, я все-таки не успокоилась и цѣлую ночь не могла уснуть. Въ слѣдующее утро пришли за мною двое солдатъ, которые отвели меня въ конакъ, гдѣ ожидалъ меня паша. Здѣсь повторилось тоже самое, что и въ каморѣ татаръ-базарджикскаго Каймакама, т. е. и филиппопольскій паша меня привѣтствовалъ какъ болгарскую королеву, послѣ чего онъ приказалъ принести мнѣ стулъ. Эта небывалая рѣдкость показалась мнѣ ироніей, однако я сѣла, такъ какъ страшно

ослабла отъ недавней болѣзни и дурно проведенной ночи. Послѣ этого паша спросилъ:

— Можешь ли ты мнѣ перечислить всѣхъ, бывшихъ въ рядахъ бунтовщиковъ?

— Нѣтъ, не могу отвѣчала я.

— Почему?

— Потому что у насъ не было ни одного бунтовщика.

— Очень пріятно слышать. А кто же цѣлыхъ четыре дня сражался съ нашимъ войскомъ?

— Съ нимъ сражались возстанники.

— И это очень хорошо; а кто были эти возстанники?

— Я ихъ перечислить не съумѣю; знаю только, что большая часть изъ нихъ была изъ нашего города, а иногородныхъ было всего нѣсколько чело-вѣкъ.

— Ну, а ты была въ ихъ числѣ?

— Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, но я скажу правду, что я была.

— Въ такомъ случаѣ, имѣла ли ты саблю, ружье и револьверъ?

— Сабля и револьверъ у меня были, а ружья не было.

— Говорятъ, что ты носила знамя?

— Да, я его носила.

— Говорятъ еще, что знамя было очень хорошее; правда-ли это?

— Это правда, потому что оно стоило моимъ со-отечественникамъ 4.000 піастровъ.

— Очень хорошо; ты намъ рассказала все, и твое дѣло приближается къ концу.

Я его поблагодарила за это, и потомъ послѣдовала за солдатами въ тюрьму. Въ этотъ день къ моему жилищу подошли цѣлыя толпы турчанокъ, которыя маялись до самаго вечера, издѣваясь надо мною и бросали, сквозь щели загороженнаго досками окна, песокъ, камушки, палки и т. п. Тоже самое повторялось и въ слѣдующіе дни. На девятый день меня опять вызвали въ конакъ. На этотъ разъ въ судѣ присутствовали: болгаринъ, армянинъ и еврей. Какой-то турокъ военный меня спросилъ:

— Кто заставилъ тебя шить знамя?

Я ему отвѣчала тоже самое, что и нѣсколько дней тому назадъ члену большаго меджлиса.

— А этотъ воевода самъ къ тебѣ приходилъ или ты къ нему ходила?

— Ни онъ не ходилъ ко мнѣ, ни я къ нему; а меня пригласили въ одинъ домъ, гдѣ между прочими находился и этотъ воевода.

— А твои родители позволили тебѣ шить знамя?

— Нѣтъ, они мнѣ не позволяли, и я шила его противъ ихъ желанія.

— Но ты правду говори, потому что мы и ихъ позовемъ сюда.

— Можете ихъ позвать, только мой отецъ не придетъ по вашему приказанію.

— Почему ты думаешь, что онъ не придетъ?

— Потому что его теперь нѣтъ въ городѣ.

— А гдѣ же онъ теперь находится?

— На томъ свѣтѣ.

— Какимъ образомъ человекъ, будучи тѣлесенъ, можетъ находиться на томъ свѣтѣ: это что-то непонятно.

— Спросите Афысь-пашу, онъ вамъ скажетъ.

— Хорошо, мы его спросимъ; отведите ее обратно.

Меня отвели обратно тѣже два солдата.

На одиннадцатый день меня опять вызвали и на этотъ разъ мнѣ предложили всего два вопроса. Первый изъ нихъ былъ: «Правда ли, что я была помолвлена съ Георгіемъ Бенковскимъ?» На это я отвѣтила, что я никогда и ни съ кѣмъ не была помолвлена. Второй вопросъ состоялъ въ томъ—«Любилъ ли онъ меня?» На этотъ вопросъ я отвѣтила, что это не могло мнѣ быть извѣстно, потому что я съ нимъ не имѣла разговоровъ, а со стороны ничего подобнаго не слыхала. Послѣ этого меня опять отвели въ тюрьму.

Въ послѣднее время мое здоровье постепенно ухудшалось: я стала по ночамъ не спать и часто молила Бога о томъ, чтобы онъ поскорѣе меня позвалъ къ себѣ, ибо эта жизнь давно мнѣ опротивѣла; я не могла найти никакого средства, чтобы отъ нея избавиться, послѣ того какъ дала полное признаніе въ своей виновности. Меня, видно, хотѣли медленною смертью убить, что я давно знала. Эта тюрьма дѣйствовала крайне неблагопріятно на меня, не только нравственно, но и физически. Силы моего отъ природы крѣпкаго организма постепенно слабѣли: я все худѣла и мои члены дѣлались дряблы и неподвижны; голова была постоянно тяжелая, а затѣмъ послѣдовала окончательная потеря аппетита. Нѣсколь-

дней спустя, я начала чувствовать себя хуже, послѣ чего мои руки и ноги начали опухать; день спустя, опухоль до того увеличилась, что я не могла повернуться. Старый турокъ, хотя давно зналъ все это, но притворялся невидящимъ. Однако, въ этотъ день, убѣдившись, что я не могу послѣдовать его приказаніямъ идти въ конакъ, ударилъ меня и объявилъ, что пойдетъ сказать пашѣ, что я притворяюсь больною. Черезъ полчаса онъ опять явился съ рогожею въ рукахъ, подослалъ ее и, вмѣстѣ съ цыганкой, уложилъ меня на нее; къ вечеру того же дня въ тюрьму пришелъ докторъ, который, посмотрѣвъ на меня, немедленно вышелъ, а черезъ нѣсколько минутъ принесли мнѣ мазь для растиранія и порошокъ для принятія внутрь. Цыганкѣ было приказано слѣдить за мною и она ухаживала, какъ родная. По прошествіи четырехъ дней, мнѣ сдѣлалось нѣсколько легче, такъ что, когда вызвали меня въ конакъ, то я кое-какъ добралась туда, при помощи стараго турка.

На этотъ разъ меня спросили: въ какой одеждѣ я была, когда носила знамя. Я отвѣтила, что нарочно для этого я себѣ не шила платья, но была въ томъ, какое и прежде носила. Послѣ этого они спросили: не было ли у меня чего-нибудь особеннаго на словѣ, ибо есть слухъ, что у меня было что-то такое. Я отвѣтила, что ничего кромѣ платка не было. Тогда меня опять увели въ тюрьму. Дня черезъ два, пришли за мной два солдата и опять повели въ конакъ. Какой-то чиновникъ спросилъ: были ли въ числѣ возставшихъ и нѣкоторые изъ Карлова? Я отвѣтила: не знаю, были ли такіе. Въ это время

одинъ изъ присутствовавшихъ сказалъ, что какой-то бей желаетъ меня видѣть. Они переговорили между собой и сейчасъ же послали за нимъ. Упомянутый бей явился черезъ $\frac{1}{4}$ часа, посмотрѣлъ внимательно на меня и приказалъ отвести меня обратно. Спустя нѣсколько дней, меня опять вызвали изъ тюрьмы, чтобы показать какому-то бейскому сыну и нѣкоторымъ новопривышимъ гостямъ филиппопольскаго паши.

Послѣ этого вызова я совершенно заболѣла; теперь я уже не могла повернуть своей головы и шевельнуться. Цыганка сняла платокъ съ своей головы и принялась дѣлать мнѣ холодные компрессы, но они мнѣ нисколько не помогли; я уже совершенно перестала ѣсть. Разъ какъ-то мнѣ было особенно дурно, а въ это время старый турокъ входитъ въ тюрьму съ какой-то чашкой въ рукахъ: «вставай, королевна, произнесъ онъ, вставай умыться». Я ему отвѣтила, что не въ состоянїи это исполнить; но онъ не обращалъ вниманїя. «Вставай, тебѣ говорю, умыться». Такъ какъ я не тронулась съ мѣста, то онъ, недолго думая, оставилъ чашку и вышелъ за палкой... Добрая цыганка стала мыть мое лицо и чистить платье отъ грязи. Въ это время возвратился и турокъ съ палкой, но, увидѣвъ, что его приказанїе исполнено, воскликнулъ: «Давно бы такъ, а то заставляешь меня, на старости лѣтъ, приниматься за палку.» Затѣмъ онъ вмѣстѣ съ цыганкой помогъ мнѣ подняться на ноги и выйти изъ тюрьмы. Солнце ярко свѣтило и я нѣсколько разъ останавливалась по дорогѣ отдыхать и пользоваться благотворными лучами солнца, быть можетъ, въ послѣдній разъ. В

это время, нѣсколько солдатъ вели черезъ дворъ и другую женщину. Она была изъ нашего города. Поровнявшись со мною и узнавъ меня, она заплакала и произнесла: «Бѣдная моя, помолись Богу и за меня, когда будешь тамъ»... Мнѣ сразу сдѣлалось легче; я начала двигаться свободнѣе и затѣмъ пошла бодрѣе. По прибытіи въ конакъ меня впустили въ присутственную комнату, гдѣ находилось множество военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Разспросы были тѣже самыя. Въ заключеніе мютесерифъ сказалъ мнѣ, что баши-бузукъ, у котораго отыскалось знамя, находится теперь въ Сербіи; поэтому я должна въ тюрьмѣ ждать его возвращенія, а потомъ меня вышлютъ вмѣстѣ съ нимъ въ Константинополь. Услыхавъ эти слова, я почувствовала себя дурно и упала въ безчувственное состояніе... Я очнулась въ тюрьмѣ, вся мокрая, съ лимономъ въ рукахъ. Возлѣ меня сидѣла вышеупомянутая женщина изъ нашего города и, когда замѣтила, что я смотрю на нее, спросила: полегче ли мнѣ стало? Я начала ей что-то рассказывать, но чувствовала, что не могла мыслить, ибо сонъ одолѣвалъ меня... Мнѣ снилось, что я находилась дома возлѣ матери; она, по прежнему, занимается хозяйствомъ. „А гдѣ же отецъ? спрашивала я.“ „Онъ скоро вернется, отвѣчала она; онъ поѣхалъ въ Филиппополь купить тебѣ платье къ наступающей пасхѣ.“ „О, не надо въ Филиппополь, тамъ турки; затѣмъ онъ скрывалъ отъ меня, что поѣдетъ. Нѣтъ, я его догоню, я его ворочу“... Я понеслась на крылатомъ конѣ, который не касался копытами земли, и быстро пробѣгалъ турецкія деревни. Въ деревняхъ

вездѣ войско, но прячется отъ меня, а дѣти въ испугѣ кричатъ: насъ убьютъ, помогите! Я имъ говорю: не бойтесь дѣти, мы мирныхъ не трогаемъ; но они все бѣгутъ, и въ деревнѣ, и по полю, и въ лѣсахъ... А зачѣмъ мнѣ это знамя, кто его привязалъ къ сѣдлу? Нѣтъ, его надо спрятать, они его боятся, притомъ въ городѣ меня съ нимъ узнаютъ. Но вотъ и городъ, вотъ и Марица. Надо здѣсь напоить лошадь и привязать ее; она будетъ дожидаться меня пока отыщу отца... Въ городѣ всѣ магазины отперты; я вхожу въ каждый изъ нихъ, но отца не вижу. „Не видали ли моего отца?“ спрашивала я. „Нѣтъ, его здѣсь нѣтъ.“ „А гдѣ же онъ находится, вѣдь онъ пріѣхалъ въ Филиппополь?“ „А кто же знаетъ; поди спроси въ конакъ, тамъ тебѣ скажутъ.“ По улицамъ нельзя пройти отъ народа, всѣ стремятся туда. Наконецъ я приближаюсь къ мосту, а тамъ всё солдаты; слышу барабанный бой. Я оборачиваюсь въ ту сторону и, о, ужасъ! Вижу отца, закованнаго въ цѣпяхъ... Увидавъ меня, онъ остановился и заплакалъ, а потомъ сталъ просить солдатъ, чтобы меня пропустили къ нему проститься.... Наконецъ я кое-какъ пробралась къ нему. Тогда онъ мнѣ сказалъ: „Я думалъ, что ты не придешь. Дай мнѣ свою руку; теперь насъ не догонятъ.“ Я ему дала свою руку и мы понеслись все выше и выше...

Въ это время я проснулась. Дверь тюрьмы была растворена. «Цвѣта (такъ было имя моей соотечественницы), помоги ей встать и выйти къ воротамъ», обратился къ ней старый турокъ. Я сдѣлала надъ собою усиліе и постаралась исполнить его приказъ

ніе. У воротъ стоялъ какой-то молодой турокъ, который внимательно смотрѣлъ на меня. Черезъ нѣсколько минутъ онъ спросилъ: откуда я родомъ и жива ли моя мать, и потомъ удалился. Меня отвели обратно въ тюрьму, куда черезъ нѣсколько минутъ нагрянула цѣлая толпа турчанокъ. Одна изъ нихъ приблизилась къ загороженному окну и начала по-болгарски: «Здравствуй, королевна! Видѣла ли ты того молодого парня, который приходилъ недавно? Онъ сынъ одного богатаго турка и послалъ меня сказать тебѣ, что, если ты согласишься принять магометанство, онъ выпуститъ тебя отсюда завтраже, и потомъ женится на тебѣ» — «Скажи ему, отвѣтила я, — чтобы онъ попросилъ о томъ, чтобы меня больше не беспокоили, ибо я скоро буду уже на томъ свѣтѣ». Но она долго меня уговаривала, я же оставалась все безотвѣтною. На слѣдующій день, какъ только я проснулась, я страшно испугалась, замѣтивъ, что моя коса была надрѣзана и части отъ нея валялись около меня. Моя соотечественница объяснила мнѣ, что во время моего сна приходило въ тюрьму нѣсколько турчанокъ вмѣстѣ со вчерашнею свахой, которая отрѣзала мнѣ волосы съ намѣреніемъ околдовать меня, чтобы я согласилась выйти замужъ. Мнѣ стало обидно, что такъ издѣваются надо мной предъ моею смертью, и я залилась горькими слезами. Въ это время дверь тюрьмы опять растворилась, и тотъ же старый турокъ пропустилъ въ тюрьму доктора, который былъ присланъ ко мнѣ во второй разъ. Его лѣкарство на этотъ разъ мнѣ не помогло: я цѣлыхъ два дня не могла встать ни на минуту отъ боли въ груди, въ

головѣ и суставахъ, я уже стала чувствовать близкую кончину, и, по совѣту своей соотечественницы, приподнялась кое-какъ на колѣно, чтобы испросить у Бога прощенія за свои грѣхи, ибо минуты моей жизни были сочтены.... Прошло три часа, я спала легкимъ сномъ и проснулась отъ скрипа тюремной двери. Ее отворила какая-то турчанка, которая сказала, что меня зовутъ *яюры* къ воротамъ. Услыхавъ это, я очень обрадовалась, думая, что пріѣхала моя мать, и что ей позволили проститься со мною. Меня поддерживали съ обѣихъ сторонъ, такъ что, при помощи своей соотечественницы и упомянутой турчанки, я дошла до воротъ. Тамъ находилось 5—6 чел. въ шляпахъ. Увидя ихъ, мнѣ стало обидно, что я обманулась и въ ту же минуту подумала, что этотъ докторскій консилиумъ будетъ бесполезенъ. Когда меня прислонили къ воротамъ, одинъ изъ нихъ обратился ко мнѣ по болгарски.

— Не бойтесь, бѣдная женщина, ибо мы не турки. Вы скажите намъ всю истину; отъ этого вамъ не будетъ никакого вреда, а напротивъ, мы постараемся облегчить ваше положеніе:

Вслѣдъ за этимъ, онъ мнѣ предложилъ нѣсколько вопросовъ, на которые я отвѣтила вѣрно все, что знала. Но такъ какъ мнѣ сдѣлалось дурно, то онъ постарался прекратить свой допросъ и спросилъ въ заключеніе:

- Чѣмъ васъ кормили во все время?
- Только хлѣбомъ и водою.
- Есть у васъ какія нибудь деньги?
- У меня нѣтъ ничего.

Тогда другіе товарищи его, присутствовавшіе и записывавшіе всѣ вопросы и отвѣты, собрали между собою нѣсколько монетъ и отдали мнѣ. Затѣмъ они мнѣ вторично сказали, чтобы я не боялась за свои отвѣты, ибо передо мною были не турки, а консулы просвѣщенныхъ державъ, которые постараются въ скоромъ времени освободить меня отъ тюрьмы. Послѣ этого они удалились, а мнѣ сдѣлалось такъ дурно, что обѣ женщины перенесли меня на рукахъ опять въ тюрьму. Когда старый турокъ узналъ о всемъ происшедшемъ, то до того разозлился, что началъ поднимать свои кулаки съ цѣлью вымѣстить свою злобу на гяуровъ. Но когда турчанка ему сказала, что у меня есть деньги, то онъ опустилъ свои руки и началъ очень ласково упрашивать меня, чтобы я подарила ему что нибудь за его долговременное ухаживаніе за мной и я ему дала половину своихъ денегъ. Послѣ этого онъ мнѣ принесъ съ базара булку хлѣба.

На слѣдующій день къ вечеру меня вызвали въ конякъ. Я отказалась идти, извиняясь слабостью. Посланные вторично явились и перенесли меня туда на рукавъ въ комнату, гдѣ не происходило засѣданія. Черезъ нѣсколько минутъ туда вошелъ какой-то тучный турокъ, который закричалъ солдатамъ, зачѣмъ они послушались другихъ и вынесли меня изъ тюрьмы. „Она должна тамъ сгнить, сказалъ онъ“. Но въ эту минуту явились посланные отъ европейскихъ консуловъ и я была наконецъ вырвана изъ черной тюрьмы и немилостивыхъ турецкихъ рукъ.

Меня перевезли въ хорошей коляскѣ въ гости- ницу Кацигра-ханъ, которая была полна освобо- денными изъ филиппольскихъ тюремъ моими соотѣ- чественниками. Мое появленіе произвело на всѣхъ отрадное впечатлѣніе, ибо всѣ считали меня давно погибшей. Въ этотъ день до самаго вечера являлись ко мнѣ корреспонденты разныхъ иностранныхъ га- зетъ и поочереди спрашивали меня какъ о воз- станіи, такъ и о вынесенныхъ мною мученіяхъ. На слѣдующій день нѣкоторые изъ этихъ корреспон- дентовъ наняли превосходный экипажъ и отвезли меня въ одинъ богатый домъ для поправленія моего здоровья. Благодаря имъ, я не нуждалась ни въ чемъ. По прошествіи двухъ недѣль я поправилась нѣсколько и начала выходить въ садъ. Эти же корреспонденты предложили мнѣ отправиться на ихъ средства куда я пожелаю, т. е. въ Германію, Швейцарію, Англію или въ Америку, гдѣ предполагали собрать изъ до- бровольныхъ пожертвованій сумму, на проценты съ которой я могла бы жить; но я отвѣтила имъ, что желаю прежде всего отправиться домой и повидаться съ матерью. Такъ какъ погода въ Филипполѣ, въ это время, была удушлива, что замедляло поправленіе моего здоровья, то они меня не удерживали, и ска- зали, чтобы на обратномъ пути я явилась къ нимъ и дала бы имъ отвѣтъ на ихъ предложеніе. Я по- благодарила ихъ отъ души за всѣ заботы и дала слово пріѣхать къ нимъ, когда совершенно поправ- люсь.

Послѣ этого я поѣхала домой и своимъ появленіемъ такъ обрадовала свою мать, что она въ пре-

должені цѣлой недѣли не отходила отъ меня. Одна-
кожъ, жизнь моя и тутъ не была въ безопасности—
такъ какъ я находилась подъ покровительствомъ
европейскихъ консуловъ, то турки хотѣли меня тайно
убить. Во избѣжаніе всякой опасности, мнѣ посовѣ-
товали отправиться куда нибудь изъ роднаго города.
Черезъ три недѣли по возвращеніи домой, мнѣ до-
ставили паспортъ на чужое имя и съ нимъ отправи-
лась я и доѣхала благополучно до Константинополя,
гдѣ отдалась подъ покровительство Россійскаго Им-
ператорскаго посольства. Во время моего пребыванія
здѣсь, приходили люди изъ американскаго посольства,
которые, въ присутствіи русскихъ, предлагали мнѣ
отправиться на житье въ Швейцарію или Америку,
но я предпочла поѣхать въ единовѣрную и едино-
племенную нашу покровительницу, Россію. Я была
со всѣми удобствами привезена въ Одессу, гдѣ отдала
рекомендательныя письма въ болгарское настоятель-
ство, которое и отправило меня въ Москву, къ Сла-
вянскому Благотворительному Комитету, со стороны
котораго я встрѣтила радушный приѣмъ.

